

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЗАКОНА
О
ПРЕСТОЛОНАСЛѢДІИ
ВЪ
РОССІИ.

г. Подольск
1994 г.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЗАКОНА
О
ПРЕСТОЛОНАСЛѢДІИ
ВЪ
РОССІИ

Изданіе
Русскаго Просвѣтительнаго Комитета
въ г. ШАНХАЙ
1936 г.

"ПОМЯНУХЪ ДНИ ДРЕВНІЯ И ПОУЧИХСЯ". (Псаломъ 142,5).

Въ началъ 1925 года Блаженнѣйшій Митрополитъ АНТОНІЙ поручилъ мнѣ, проходившему тогда Богословскій факультетъ Българскаго Университета, составить докладъ О ПРОИСХОЖДЕНІИ ЗАКОНА о ПРЕСТОЛОНАСЛѢДІИ въ РОССІИ для выясненія того, **насколько данный законъ соотвѣтствуетъ духу русскаго народа и вытъкаетъ изъ его исторіи.**

Получивъ благословеніе отъ Владыки Митрополита и имѣя горячее желаніе точно освѣтить вопросъ, я приступилъ къ работѣ въ день памяти св. ФИЛИППА, Митрополита Московскаго, 9-го января 1925 года и закончилъ таковую 14-го августа того же года, въ канунъ праздника УСПЕНІЯ БОГОРОДИЦЫ – храмоваго дня Московскаго Успенскаго Собора и Кіево-Печерской Лавры, имѣвшихъ величайшее значеніе въ исторіи русскаго народа.

Вмѣсто короткой докладной записки получилось довольно большое изслѣдоваше, содержаніе котораго было мною изложено тогда въ краткой статьѣ, напечатанной въ Българдѣ. Самый же трудъ в цѣломъ не былъ напечатанъ до сего времени.

Ввиду просьбы о его напечатаніи призываю Божіе благословеніе на его изданіе, желая, чтобы читающіе его почерпнули себѣ пользу и назиданіе.

ІОАННЪ, ЕПИСКОПЪ ШАНХАЙСКІЙ.

5 марта 1936 года.
Память князя Феодора
Смоленскаго и чадъ его
Давида и Константина.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЗАКОНА О ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИИ В РОССИИ

Настоящая государственная жизнь Руси начинается с Владимира Святого. Бывшие до него князья были не столько государями-правителями, сколько завоевателями, для которых не так важно было благоустроить собственную страну, сколько покорить себе или заставить платить дань какую-нибудь богатую землю. Еще Святослав предпочитал жить в покоренной им Болгарии, а не в своей столице. Принесенное в Россию христианство сначала Ольгой, имевшей большое влияние на старших внуков своих — Ярополка и Олега, а затем окончательно святым Владимиром Красное Солнышко, крестившим Русь, положило твердые устои российской государственности.

Христианство связало общей культурой княжеский род норманнского, как утверждают, происхождения и многочисленные славянские и чужие племена, составлявшие население древней Руси, оно научило князей смотреть на себя как на защитников слабых и угнетенных и служителей правды Божией, а народ оно научило в них видеть не просто вождей и военачальников, а лиц, коим власть дана Самим Богом.

Однако государственные воззрения русских людей XI и двух последующих веков сильно отличались от соответственных понятий теперешнего времени. Власть над Русской землей принадлежала не одному определенному лицу, а всему княжескому роду в совокупности. Отдельные князья лишь осуществляли эту власть в различных землях, составивших Российское государство, сообразуясь при этом с местными бытовыми условиями.

Возглавлял княжеский род киевский князь, называвшийся великим князем и бывший “вместо отца” остальным князьям. Отношения великого князя к другим князьям были не столько государственно-правовыми, сколько семейно-нравственными. Он был главой княжеского рода и старшим братом-советником всех остальных князей. Однако в важных делах созывались княжеские съезды, своего рода семейные советы. Остальные князья должны были слушать его как отца (завет Ярослава Мудрого), но проявляемое князьями своеволие и непокорность старшему, не имевшему достаточной силы заставить других князей себе повиноваться или хотя бы с ним считаться, были главным недостатком этого строя, бывшим причиной его падения.

Великим князем был старший в роде. Остальные члены княжеского рода получали уделы, на которые была разделена вся тогдашняя Русь. По первоначальному правилу при распределении уделов соблюдался принцип старшинства: чем старше был князь, - тем лучший удел доставался ему. По кончине великого князя киевский стол должен был заниматься следующим по старшинству, удел этого доставался следующему за ним и т. д., все князья как бы по лестнице должны восходить к киевскому престолу. Однако этот порядок не соблюдался точно. Одной из причин этого было правило, что член рода, отец которого умер до получения

княжения, считался изгоем и не мог получить удела. Обиженные судьбой князя силою оружия заставляли остальных князей признавать и за ними право участия в распределении уделов.

Споры между князьями приводили нередко к тому, что князь владел уделом не столько по указанному правилу, сколько на основании захвата, признанного со стороны остальных.

С другой стороны, не оставалось пассивным и население при переходе княжеского стола в другие руки. Нередко оно само призывало кого-нибудь из князей, или, наоборот, ввиду народных неудовольствий князь принужден бывал удалиться. Это вскоре свело на нет систему “лестничного восхождения”. Князья большею частью стали получать уделы в своей “отчине”, т. е. там, где владел их отец. В Черниговско-Северской земле утвердилась линия Святослава Ярославича, Переяславской — Всеволода и т. д. Наряду с этим продолжались, однако, “искания столов” князьями и смена князей самим населением. Государственное устройство какой-нибудь области не мыслилось без возглавления ее князем. “Князя с ними не было, а боярина не все слушают”, — говорит летописец, объясняя причины военной неудачи. Князьями были все члены княжеского рода, т. е. законнорожденные княжеские сыновья, и лишь только они. Когда в 1187 году галицкий князь Ярослав Осмомысл, умирая, оставил стол своему незаконному сыну Олегу, галичане прогнали последнего (любовница Ярослава, Анастасия, была ими сожжена еще при его жизни) и поставили князем законного — Владимира. Известен лишь единственный случай, что княжение захватил боярин, не принадлежавший к княжескому роду, — это галицкий боярин Володислав, наложивший этим на себя несмываемое пятно в глазах современников.

Единство княжеского рода и единый митрополит были олицетворением единства Руси в удельный период и предохранили ее от распада на ряд отдельных государств. Главой княжеского рода, как было уже сказано, был великий князь, которым должен был быть старший член рода. Были случаи, что великим князем делался не старший, но это всегда рассматривалось как исключение из правила.

Когда Святослав Ярославич, изгнав своего брата Изяслава, захватил киевский престол, преподобный Феодосий убеждал его вернуть престол брату и не хотел сначала поминать его как князя, а потом хотя и поминал его, но после законного Изяслава. Владимир Мономах долго не соглашался занять киевский стол помимо старших двоюродных братьев, несмотря на настойчивые просьбы киевлян. Но природные качества и авторитет Мономаха настолько возвышали его, что и народ, и князья лишь в нем видели лицо, могущее явиться примирителем раздираемой усобицами Руси.

По смерти Святополка Изяславовича Владимир в 1113 году, помимо Святославовичей, сделался великим князем, а в 1116 году Ефесским митрополитом Неофитом венчан на царство. Мономах своим авторитетом сумел примирить князей и успокоил немного терзаемую Русскую землю. Но по смерти его вновь начались усобицы. Русь гибла от набегов половцев, междоусобных войн, постоянной смены князей, переходивших на лучшие уделы. Народ начал переселяться на север, где зародился новый центр русской государственности.

Благоустройство Суздальско-Ростовского княжества начал младший сын Мономаха — Юрий Долгорукий, долго там княживший и скончавшийся в 1157 году великим князем киевским. Его дело продолжил его старший сын Андрей. Сделавшись великим князем, Андрей, не поехав в Киев, остался жить на севере, при этом не в старых городах Ростове или Суздале, а в небольшом тогда своем городе Владимире, ему лично обязанном своим возвышением и благоустройством. Андрей ясно стремился к уничтожению старого государственного устройства и установлению едино- и самодержавия. С князьями он обращался как с подчиненными, отдавал им приказания, сам назначал им уделы, а непокорных изгонял из Русской земли. Такою деятельностью Андрей возбудил во многих сильное неудовольствие, и 30 июня 1175 года был убит заговорщиками в своем селе Боголюбове. Жители Владимира с плачем встретили его святые мощи, принесенные туда 4 июля и доселе там нетленно почивающие.

Великокняжеский престол наследовал его брат Всеволод Большое Гнездо, продолжавший жить во Владимире. Северная Русь сравнительно с Южной пользовалась большим благополучием и спокойствием. В то время как на юге переходили с удела на удел, на севере князь старался благоустроить свою область, увеличить и украсить свой стольный город. Население южных княжеств, переселяясь на север, заселяло новые княжества, основывая новые города, часто называемые при этом именами городов, из которых переселялось (Галич, Переяславль и т. д.). На князя это население смотрело как на хозяина и чувствовало свою зависимость от него.

Всеволоду должен был наследовать на великокняжеском престоле его старший сын Константин. Но он навлек на себя гнев отца тем, что не хотел дать Владимиру старшинство перед Ростовом. Собрав на совете духовенство и дружину, Всеволод решил старшего сына лишить старейшинства и передать его второму сыну, Юрию. После смерти отца Юрий сделался было великим князем, но вскоре у него произошло столкновение с Новгородом и некоторыми князьями, которые вспомнили, что он занимает престол в нарушение права старшего брата, и решили восстановить старый порядок. Войска встретились на реке Липице. В стане Георгия были уверены в победе, но и там некоторые дружинники колебались в правоте своего дела и советовали добровольно вернуть старейшинство Константину. Войска Георгия были разбиты, и по мирному договору великим князем сделался Константин.

После смерти Константина Георгий, уже по праву старшинства, сделался опять великим князем и оставался им до мученической кончины своей в битве на реке Сити 4 февраля 1337 года. Это был последний независимый великий князь удельной Руси. Отсутствие власти и силы у великого князя, ссоры и несогласия между князьями и общая разруха слишком обессилили Русскую землю, чтобы она могла устоять перед татарской силой, все сокрушавшей на своем пути. Татары, покорив Русь, оставили ей прежнее внутреннее устройство, но князья должны были получать утверждение в Орде.

После смерти Св. Георгия старшим князем оказался его брат Ярослав, который и был утвержден великим князем. . В это время Русь окончательно

разделилась на ряд отдельных княжеств — Тверское, Ярославское и т. д. В каждом княжестве правила определенная княжеская линия. Члены этой линии получали уделы лишь в пределах своего княжества, дробившегося на все большее количество маленьких уделов. Старший князь назывался великим князем — Тверским, Суздальским и т. д., старейший же из этих великих князей с ханского утверждения именовался великим князем Владимирским и всея Руси. С конца XIII века великие князья, получая великое княжение всея Руси, не переезжают во Владимир, а лишь именуются владимирскими, продолжая жить в своем родовом княжестве. По смерти удельного князя удел его делится между его сыновьями, причем вдова часто получает маленькую волость в пожизненное владение. За отсутствием сыновей наследуют братья или следующие ближайшие родственники из княжеской линии этого великого княжества.

Когда в 1243 году, после смерти ярославского князя Василия (вспоминаемого Церковью 3 июля вместе с братом Константином, скончавшимся до него), княжившая в Ярославле линия прекратилась, престол перешел к единственной дочери Василия — Марии, и князем сделался женившийся на ней смоленский князь Феодор. Мария через несколько лет скончалась. Тогда мать ее, княгиня Ксения, с боярами объявила, что так как княжество наследовала Мария, а не Феодор, то после смерти ее законным и природным князем является их единственный малолетний сын Михаил. Феодор, находившийся в это время в Орде, по возвращении своем не был впущен в город “как инородный князь” и принужден был удалиться, а опека над малолетним князем перешла к Ксении. Но через несколько времени князь Михаил умер. Ближайшим родственником почившего князя теперь являлся его отец Феодор, и он, за отсутствием других ярославских князей, опять занял ярославское княжение и княжил до своей смерти в 1286 году, оставив в наследство ярославское княжество сыновьям своим от второго брака с крещеной ханской дочерью — Давиду Константину, так же, как и отец, прославившимся святостью и чудесами (память их 19 сентября).

Великим князем всея Руси хан утверждал обыкновенно старшего в роде. Перечисляя 15 великих князей, княживших в период с 1212 по 1328 гг., историк С. Ф. Платонов отмечает, что только трое из них захватили великое княжение с явным нарушением порядка старшинства. Однако великий князь не имел никакой силы и авторитета, другие князья не слушались и даже часто враждовали с ним, стремясь его ослабить. Споры между князьями о праве на звание великого князя еще более разоряли и без того разоренную Русь. Южная Русь, эта колыбель России, начинает подпадать под власть литовских князей. Сначала это не вносило особых перемен в южнорусскую жизнь. Казалось, что идет лишь перемена династии и подчинение не великому князю всея Руси из дома св. Владимира, а великому князю литовскому, даже принявшему титул Литовского и Русского. Литовские князья, сядя на русские уделы, принимали православие и русскую культуру, женились на русских княжнах, иногда даже подчинялись не литовскому, а русскому великому князю. Св. Довмонт — князь литовского дома — прославился святостью и на вечные времена сделался защитником Пскова. Но это было вначале. Последовавшее затем соединение Литвы с Польшей и введение в ней католичества подвергли Южную и Западную Русь, перешедшую под другую власть, страшному

порабощению. Митрополиты российские еще после разорения Киева татарами переехали на север и жили большею частью во Владимире, объезжая и другие города. Южные князья стали тогда домогаться особого митрополита. Последние знаки единой русской государственности исчезли бы, если бы не нашелся новый центр, объединивший Русь, и не изменилась вся система государственного управления. Этим центром была Москва — до середины XIII века маленький городок, а при Александре Невском доставшаяся его младшему сыну Даниилу.

Мудрый св. Даниил сделал из своего маленького удела сильное и спокойное княжество. После него княжили его сыновья. Св. митрополит Петр, объезжая города, познакомился с князем Иоанном, замещавшим своего старшего брата Юрия, ведшего тогда бесславную борьбу за великое княжение со своим двоюродным дядей святым Михаилом Тверским. Святитель полюбил князя Иоанна и прозрел будущее Москвы. Он посоветовал князю заложить каменную церковь во имя Успения Богородицы, сказав при этом: “Если меня, сын, послушаешься, храм Пречистой Богородицы построишь и меня успокоишь в своем городе, Бог благословит тебя и поставит выше всех других князей, и распространит город этот паче всех других городов; и будет род твой обладать местом сим вовеки; и руки его взыдут на плечи врагов ваших; и святители поживут в нем, и кости мои здесь положены будут”. 21 декабря 1326 года святитель Петр скончался и был погребен в собственноручно им устроенном гробу близ жертвенника строящегося храма. Великим князем в это время был Александр Михайлович Тверской, а Московским князем — Иоанн, наследовавший Юрию. Но вскоре в Твери народ перебил татар. Хан лишил Александра звания великого князя и дал его Иоанну Даниловичу. Став великим князем, Иоанн деятельно продолжал увеличивать Московское княжество, присоединяя к нему соседние уделы. Иногда употреблял оружие, иногда родственные связи, подкуп, убеждения. Он требовал, чтобы и остальные князья его слушались. С татарами же умел мирно ладить и этим доставил успокоение измученной Русской земле. “С тех пор, как сел он на великое княжение, — говорит летописец, — бысть тишина велика по всей русской земле на сорок лет и престаша татарове воевати Русскую землю”. Иоанн в его деятельности поддерживал преемник св. Петра — св. митрополит Феогност. Когда бывший великий князь Александр Тверской отказал в повиновении Иоанну и укрылся в Пскове, митрополит Феогност отлучил псковитян от Церкви, чем заставил Александра покориться. Перед смертью Иоанн Калита разделил свое княжество трем своим сыновьям, город же Москву завещал им всем. После его смерти хан утвердил в великом княжении его старшего сына Симеона (1341 г.). Симеон не только продолжал объединение Русской земли вокруг Москвы, но и весьма властно обращался с остальными князьями, которые прозвали его за это Гордым. С братьями своими, Иоанном и Андреем, он заключил договор, скрепленный крестным целованием на гробе отца, о том, чтобы действовать им во всем сообща и заодно. Братья обещались держать Симеона “в отца вместо”, а он — советоваться с ними в важных делах. В этом договоре в первый раз удельные князья, обращаясь к великому князю, называют его “господин великий князь”.

В 1353 году от моровой язвы скончались великий князь Симеон и младший брат Андрей. Удел Андрея перешел к его маленькому сыну Владимиру, среднему брату Иоанну, соединившему, таким образом, в своих руках две трети Московского княжества и получившему от хана ярлык на великое княжение.

Представитель старшей линии, князь Константин Васильевич Суздальский, пытался было сам сделаться великим князем, но безуспешно.

Иоанн Иоаннович был великим князем в течение шести лет, заслужив наименование Кроткий. Умирая, он оставил двух сыновей, из коих старшему, Димитрию, было девять лет, и которые наследовали его удел.

Старший из суздальских князей, Андрей Константинович не захотел искать великого княжения: он видел, что на Руси устанавливается уже новый порядок, и идти против него считал лишь тратой времени и средств. Искателем великого княжения явился следующий за ним по старшинству его брат, князь Димитрий Константинович. Борьба за великое княжение закончилась, однако, тем, что великим князем был утвержден малолетний Димитрий Иоаннович Московский. Конечно, он сам не мог отстаивать перед ханом своих прав. За него это сделали московские бояре, возглавляемые преемником св. Феоноста - святым митрополитом Алексием. Димитрий Константинович должен был смириться перед новым порядком преемства великокняжеской власти и выдал за великого князя свою дочь, прославленную впоследствии св. великую княгиню Евдокию, в иночестве Евфросинию (память 7 июля). Вскоре самому Димитрию Константиновичу пришлось прибегнуть к защите великого князя. По смерти старшего суздальского князя Андрея младший брат, Борис, помимо Димитрия захватил Нижний Новгород.

Димитрий Константинович за разрешением спора обратился к великому князю. Слова пятнадцатилетнего Димитрия Иоанновича не оказались достаточно авторитетными. Тогда, по повелению святителя Алексия, преподобный Сергей, поехав в Нижний, потребовал от князя Бориса явки в Москву и после его отказа затворил в Нижнем Новгороде все церкви. Борис должен был покориться и уступить Нижний Новгород своему брату.

При Димитрии Иоанновиче значение великого князя весьма возросло. Самые сильные удельные князья — тверской и рязанский — принуждены были заключить с ним договоры, в которых признавали себя его младшими братьями, равными его двоюродному брату князю Владимиру Андреевичу. Владимир Андреевич был ближайший родственник великого князя в боковой линии, так как младший брат Димитрия Иоанновича, Иван, умер в 1365 году, оставив свой удел брату. Владимир владел третью Московского княжества, наследованную от отца, и тоже заключил с великим князем договоры. В них он признавал Димитрия Иоанновича своим старшим братом и отцом и обещался служить ему “честно и грозно”, за что великий князь должен был “кормить его по службе”. То же повиновение по смерти Димитрия обещал Владимир оказывать его старшему сыну Василию и признавал его за старшего брата, второго сына великого князя — братом, а младших сыновей — младшими братьями. Так договорами начал юридически закрепляться новый порядок престолонаследия. Умирая, великий князь Димитрий Иоаннович Донской мог сделать уже неслыханное до тех пор

завещание: он благословляет своего старшего сына Василия великим княжением, которое зовет своей отчиной. Притом великому князю Василию был определен удел, почти равный уделам его братьев, взятым вместе, и выражена надежда, что сыновья перестанут давать выкуп в Орду.

Василий Дмитриевич был продолжателем дела отца. Он присоединял к Москве удельные княжества, с оставшимися же еще удельными князьями заключал договоры о том, что они должны ему подчиняться и не искать великого княжения. С рязанским великим князем договор был заключен от имени всех князей Московского княжества. В нем московские князья делятся на младших и меньших братьев великого князя. Младшими называются следующие по старшинству за великим князем Василием Дмитриевичем его брат Юрий и их двоюродный дядя, князь Владимир Андреевич, а меньшими — остальные. Рязанский великий князь приравнивался к младшим братьям. К ним же был приравнен и тверской великий князь. Василий Дмитриевич заключил договоры и со своими родными “меньшими” братьями, по которым они обязывались после его смерти признать великим князем его старшего сына. Младший брат великого князя, Юрий Дмитриевич, не захотел, однако, признать нового порядка престолонаследия и решил добиваться великого княжения после брата. Когда великий князь Василий Дмитриевич в 1425 году скончался, оставив наследником десятилетнего сына, тоже Василия, митрополит Фотий известил об этом князя Юрия, оставшегося старшим в великокняжеской семье, и пригласил прибыть в Москву. Юрий не пожелал подчиниться племяннику и пошел с войском на Москву. По поручению вдовы Василия Дмитриевича и московских бояр для переговоров с Юрием к нему в Галич выехал митрополит Фотий. Юрий не хотел отказаться от своих притязаний, и святой Фотий, не благословив ни Юрия, ни жителей Галича, выехал из него. По отъезде митрополита в Галиче начался сильный мор, и Юрий был теперь уступчивее. Сначала он хотел перенести дело на ханский суд, но потом счел за лучшее признать племянника великим князем. В 1431 году, воспользовавшись переменой обстоятельств, Юрий, однако, возбудил в Орде вопрос о своих правах на великое княжение, но московский боярин Всевожский ловко привлек хана на сторону Василия, и спор разрешился в пользу последнего. В 1433 году Юрию, при помощи некоторых недовольных московских бояр и военной силы, удалось овладеть Москвой и сесть на великое княжение. Василию он отдал в удел Коломну. Но едва Василий прибыл в Коломну, к нему стали стекаться люди всех сословий. Юрий принужден был сам позвать Василия на великое княжение и уехать обратно в Галич в сопровождении лишь пяти человек. Юрий не оставил, однако, своих притязаний. В 1434 году он снова овладел Москвой и вскоре там скончался. Несмотря на то, что борьба велась Юрием во имя наследования престола по порядку старшинства, на московский престол после его смерти сел его старший сын Василий Косой по праву первородства. Однако братья его не надеялись, что ему удастся удержаться в Москве, и сами послали к законному великому князю Василию Васильевичу звать его на престол. Василий Косой бежал.

Великий князь Василий занял свой престол и распределил уделы между князьями. Попытки Косого вновь коварством овладеть Москвой закончились неудачей и его ослеплением. В 1445 году великий князь Василий Васильевич попал

в плен к татарам и был отпущен за большой выкуп. Москва начала утверждать, будто великий князь обещал отдать татарам все Московское княжество. Этим воспользовался второй сын Юрия, Дмитрий Шемяка, и овладел Москвой. Василий был схвачен и ослеплен. Через несколько времени Шемяка, уступая настояниям местоблюстителя митрополии, рязанского епископа Ионы, отдал ему “на епитрахиль” детей великого князя, а самого Василия отпустил в Вологду, взяв с него “проклятые грамоты” (клятвенное обещание) не искать великого княжения. Но как только Василий был освобожден, к нему стал стекаться народ. Игумен Кирилло-Белозерского монастыря Трифон взял на себя “проклятые грамоты”, разрешив Василия от присяги. Василий двинулся с войсками в Москву, где немедленно произошел переворот в его пользу. Шемяка и его сторонники принуждены были просить мира и присягнуть Василию. Шемяка, однако, не выполнил клятвы и продолжал действовать против великого князя. Тогда от лица всего духовенства Шемяке было отправлено послание, подписанное пятью епископами (Ростовским, Суздальским, Рязанским, Пермским и Коломенским) и двумя архимандритами. Сначала в послании напоминает о начале борьбы за великокняжеский престол и грех отца Шемяки-князя, Юрия, незаконно возжелавшего великого княжения, сравнивается с грехом Адама, которому сатана вложил в сердце желание быть равным Богу. “Сколько трудов перенес отец твой... но великокняжеского стола еще не получил, чего ему Богом не дано, ни земскою изначала пошпиною (древним обычаем)”. Последними словами, как отметил историк С. М. Соловьев, духовенство не только признает новый порядок престолонаследия, но и объявляет его древним правилом. Далее в послании говорится о поступках самого Шемяки, которые сравниваются с делами Каина и Святополка Окаянного, и в заключение Шемяка призывается покориться и исполнить договор с великим князем, а в противном случае отлучается от Церкви. Войска Василия принудили Шемяку подчиниться и дать клятвенное обещание в верности.

В декабре 1448 года епископ св. Иона был поставлен в митрополиты всея Руси, и в окружном послании по этому событию он призывает всех людей быть верными великому князю, напоминает о клятвенных нарушениях князя Дмитрия Шемяки и говорит, что если он вооружится опять на великого князя, то не будет на нем милости Божией, Пречистой Богородицы и святых чудотворцев, ни святительского благословения ни в сей век, ни в будущий; народ же, который станет на его сторону, митрополит отлучает от Церкви, причем священнодействие среди того народа им прекратится и все храмы им затворятся. Шемяка пытался еще бороться с великим князем, но был побежден и умер в 1453 году в Новгороде, будучи отравлен.

Так закончилась борьба за великое княжение, продолжавшаяся почти 30 лет. Началась она ввиду стремления князя Юрия сесть на великокняжеский престол по прежнему порядку — старшинства в роде; продолжена была Василием Косым, хотевшим по новому порядку наследовать престол, которым удалось было овладеть его отцу, закончилась попыткой Дмитрия Шемяки, воспользовавшись плодами деятельности отца и брата, утвердиться на великом княжении. Но новый порядок престолонаследия был одним из главных устоев Московского княжества,

собиравшего воедино разрозненную Русь. Народ всех сословий видел в нем залог спокойствия и мира и объединялся вокруг того, кого признавал законным носителем великокняжеской власти, даже тогда, когда эта власть фактически переходила в другие руки. Духовенство видело в нем Богом указанного главу Руси и, почитая недействительными клятвы об отречении от великокняжеского достоинства, вынуждаемые у него его соперниками, разрешало его от этих клятв. Наоборот, восстание против законного государя и нарушение данной ему присяги почиталось тяжким грехом, отпадением от христианства (грамоты св. митрополита Ионы — о поставлении своем и к Новгородскому архиепископу — о неукрывательстве Шемяки).

После смерти Шемяки Василий Васильевич продолжал дело московских князей — укреплял Московское княжество и, присоединяя к нему другие уделы, объединял Русскую землю. Главным советником его был св. митрополит Иона. Старшего сына своего, Иоанна, Василий Темный сделал своим правителем с титулом великого князя, так что грамоты писались от имени обоих великих князей. Разделяя перед смертью уделы своим сыновьям, Василий оставил великому князю Иоанну удел, превосходивший уделы четырех младших сыновей, взятых вместе, и, вступив беспрепятственно после смерти отца (1462 г.) на московский престол, Иоанн легко смог продолжить и почти завершить дело строения единого Русского государства. Осторожными, но верными шагами шел Иоанн к этой цели. Он не ломал сложившихся порядков, где не было особой необходимости, не ломал уклада русской жизни, но не останавливался и перед крутыми мерами где было нужно. Подчеркивая везде свое самодержавие и неограниченность своей власти, Иоанн в то же время руководился в своих поступках “старинной” и часто, даже вводя какие-нибудь необходимые новшества, старался, чтобы инициатива этого исходила как бы не от него. Постепенно и не сразу накладывал Иоанн свою руку на все, что противоречило идее едино- и самодержавия, но плоды его деятельности были обильны. В 1480 году без кровопролития было окончательно свержено татарское иго. Уничтожена была новгородская вольность, и великий Новгород сделался одним из городов Московского великого княжества. Присоединено было к Москве большинство удельных княжеств. Рязанское удельное княжество сохраняло лишь тень самостоятельности, так как распоряжался в нем Иоанн Васильевич через свою сестру — вдовствующую великую княгиню рязанскую Агриппину, бывшую опекуницей своего малолетнего внука. Тверской великий князь сначала слушал Иоанна, но потом завел сношения с Литвой; Иоанн двинулся на него с войском; не имея возможности сопротивляться, тверской великий князь бежал в Литву, и оставшиеся без государя тверичане послали бить челом Иоанну Васильевичу.

Выехав в Тверь, московский государь отдал Тверское великое княжество своему старшему сыну Иоанну Иоанновичу, так как его мать, первая супруга Иоанна Васильевича, Мария Борисовна, была родной сестрой последнего тверского великого князя и, таким образом, Иоанн со стороны матери являлся потомком тверских князей. Великий князь Иоанн старался и внутри Московского княжества сократить уделы. Два его брата умерли бездетными, и он большую часть их уделов присоединил к великокняжеской области, дав остальным двум

братьям лишь по несколько городов; братья должны были оказывать полную покорность, и когда один из них, Андрей, был заподозрен во властолюбивых стремлениях, то был с сыновьями своими посажен под стражу до смерти, и на все хлопоты об освобождении Иоанн, опасаясь смуты за наследство, отвечал: “Жаль мне брата, но освободить его не могу”. Собрав в одно государство почти всю северо-восточную Русь, Иоанн простер свои взоры и на Русь, подпавшую польскому и литовскому владычеству, откуда стремились к нему бывшие удельные князья и народонаселение, предпочитая служить православному русскому государю, а не чужеземному и иноверному. Литва принуждена была признать за Иоанном титул государя всея Руси.

По смерти первой своей супруги Иоанн Васильевич в 1472 году женился на племяннице последнего византийского императора Софии Фоминишне Палеолог и, как единственный православный государь, возглавлявший громадное православное государство, сделался вместе с этим преемником византийских царей, защитником и покровителем всего православного мира. Как внешний знак этого, он принял византийский герб, соединив его с московским — св. Георгием Победоносцем, и в сношениях с иностранными государями стал именоваться царем всея Руси и императором, продолжая называться в актах внутреннего управления по большей части по-прежнему великим князем. Наследником Иоанна III Васильевича считался его старший сын, Иоанн Молодой, рожденный от первого брака. Во избежание споров о престолонаследии Иоанн III, по примеру своего отца, назвал и наследника великим князем, и государственные дела решались от имени обоих великих князей. В 1490 году Иоанн Молодой скончался. Возник вопрос, кто будет теперь наследником? После Иоанна Молодого остался сын Димитрий. Кроме того, у Иоанна Васильевича было 5 сыновей от брака с Софией, среди коих старшим был Василий. Со времени установления нового порядка престолонаследия подобного случая не было на Руси, и в данном случае нельзя было поступить “по старине”. В то же время порядок престолонаследия не был установлен и регламентирован каким-нибудь законом, и великому князю предстояло решить, внук ли Димитрий или сын Василий является его преемником по теперешнему порядку. Приближенные Иоанна разделились на сторонников того и другого, стремясь доставить престол наиболее желательному для себя кандидату. Верхи московского боярства не любили Софию, так как именно с ее приездом в Москву русский великий князь превратился в самодержавного государя, единолично решавшего все дела, и бояре потеряли свое прежнее влияние и приглашались на совет, лишь когда великий князь того пожелает. Опасаясь влияния Софии и в случае воцарения сына ее Василия, они усердно поддерживали Димитрия. София Фоминишна убеждала своего мужа передать престол Василию. Великий князь Иоанн Васильевич, понимая, что, по принципу права первородства, после Иоанна Младшего наследником должен быть Димитрий, не поддавался на увещевания супруги и склонился на сторону прав внука.

Сторонники Софии стали убеждать Василия поднять восстание и погубить Димитрия, самому сделаться наследником. Заговор был открыт в декабре 1497 года. Главные заговорщики были казнены, а Василия великий князь посадил под стражу; София тоже была в опале. В начале 1498 года великий князь торжественно

венчал внука на царство. Это было первое венчание на царство на Руси после Владимира Мономаха. Посредине Успенского собора было поставлено три седалища — для митрополита, великого князя и его внука. Сначала был отслужен молебен Богородице и святителю Петру, после чего митрополит и великий князь сели на свои места, а Димитрий стал перед ними. Великий князь сказал: “Отец митрополит, Божиим изволением, от наших прародителей великих князей старина наша оттоле и до сих мест; отцы наши великие князья сыновьям своим старшим давали великое княжение; и я было сын[^] своего первого Ивана при себе благословил великим княжением; но волею Божией сын мой Иоанн умер, у него остался сын дервый Димитрий, и я его теперь благословляю при себе и после себя великим княжением Владимирским, Московским и Новгородским; и ты бы его, отец, на великое княжение благословил”. Митрополит приказал Димитрию стать на свое место и, возложивши на него руку, прочитал молитву о даровании ему царства: потом, взяв приготовленные на аналое бармы и шапку Мономаха, передавал их великому князю, а великий князь возлагал на внука. После многолетий, приветствий и поучений митрополита и великого князя была отслужена Литургия. При выходе Димитрия в шапке и бармах из церкви старший после Василия, его дядя Юрий, трижды осыпал его золотыми и серебряными деньгами.

Венчав внука на царство, великий князь Иоанн вскоре, однако, начал раскаиваться в своем поступке. Димитрий был безвольною и бесхарактерною личностью, находившейся под полным влиянием матери, которая, в случае воцарения его, и сделалась бы фактической правительницей государства. Мать его, дочь молдавского господаря Елена, была главной покровительницей распространяемой тогда на Руси жидовской ереси, а ближайшими советниками ее были именитые бояре Ряполовский и Патрикеевы, весьма недовольные установлением на Руси самодержавной власти и мечтавшие ограничить великокняжескую власть боярами и по смерти Иоанна самим распоряжаться, пользуясь слабостью царя.

В 1499 году великий князь казнил Ряполовского, а Патрикеевы были пострижены в монашество. В то же время увещания митрополита и горячая деятельность ревнителей православия, возглавляемых святыми Геннадием, архиепископом Новгородским, и преподобным Иосифом Волоцким, заставили великого князя переменить свой взгляд на жидовствующую ересь. Еще в 1494 году православным удалось добиться ухода на покой жидовствующего митрополита Зосимы и поставления в митрополиты строго православного Симона. Но под влиянием княгини Елены великий князь не придавал особого значения этой ереси. Теперь же Иоанн III стал понимать, какую опасность представляет эта ересь для Церкви и государства и какое зло может произойти, если у власти окажутся ее приверженцы. С другой стороны, если Димитрий по праву первородства был ближайшим наследником российского великокняжеского престола, то Василий, по матери происходивший от византийских царей, имел преимущественное право на наследование герба, титула и преемства власти их — того, что особенно возвысило московского великого князя в глазах всего православного мира. Приверженность же православию София доказала: хотя римский папа всячески

покровительствовал ей и даже устроил ей брак с Иоанном, она не склонилась к унии и не поколебалась в истинной вере. Иоанн III не сразу решился переменить прежде им принятое решение и захотел испытать характер старшего сына Софии.

Василий был вызван из-под стражи к великому князю. Изложив тяжесть проступка сына и его виновность, Иоанн III спросил Василия, что сделал бы он сам с таким сыном. Простил бы?

“Нет, не простил”, — ответил Василий. Иоанн III освободил Василия и дал ему великое княжение Новгородское и Псковское. Жители Новгорода и Пскова, среди которых было много выходцев из Москвы, были поражены выделением их земель в особый удел и отправили посольство к великому князю Иоанну просить, “чтобы было по старине: кто государь в Москве, тот и в Новгороде и Пскове”. С гневом выслушал это Иоанн. “Разве не волен, — сказал он, — во внуке и детях? Кому захочу, тому и дам княжение”. Некоторые историки ошибочно указывают на эти слова Иоанна III как доказательство того, что у великих князей не было руководящего принципа при передаче престола и они назначали себе наследников по своему личному выбору. Однако здесь речь шла не о наследстве великокняжеского престола, а о выделении части Московского государства в особый удел. В вопросах же о разделении земли на уделы и о распределении их между сыновьями русские князья были “вольны в делах” во все времена существования в России уделов. Иначе рассуждал Иоанн III в вопросе престолонаследия. Хотя впоследствии, лишив Дмитрия наследства и сделав наследником Василия, он говорил, что “какой сын отцу норовит, того он больше жалует, а если сын отца не слушает, того за что жаловать”, но в действительности, имея внука и пять сыновей от второго брака, он выбирал лишь между сыном старшего сына и старшим из остальных своих сыновей, несмотря на то, что остальные четыре сына не выходили из его повиновения и были более покорны, чем старший. Правда, и в вопросе престолонаследия Иоанн III не потерпел бы противоречия со стороны подданных и не стал бы выслушивать их указания, приняв, быть может, то или иное мнение в лучшем случае лишь как совет; самодержавные государи не имеют ограничений извне. Но ограничением их является их собственная совесть, их сознание ответственности перед Богом и решимость идти по пути, завещанному их предшественниками, для достижения благосостояния их державы. Хотя Иоанн III везде подчеркивал неограниченность и независимость своей власти, он всегда руководствовался “стариной” и заветами своих предков, собирателей Руси.

Дмитрий продолжал еще некоторое время носить титул великого князя и считался наследником. В 1502 году великий князь посадил Елену и Дмитрия под стражу, запретил поминать их на ектениях и называть Дмитрия великим князем. Василий был посажен на великое княжение Владимирское и Московское, и имя его стало писаться во всех грамотах рядом с отцовским. Вслед за этим были приняты меры и против жидовствующей ереси. Преподобный Иосиф Волоцкий был принят великим князем, который раскаялся в своем прежнем попустительстве еретикам и обещал сделать все от него зависящее для их искоренения. В 1504 году Собор осудил ересь, а великий князь казнил главных еретиков и сослал менее виновных. Елена скончалась в темнице почти одновременно с этими событиями. Дмитрий

оставался в заключении и умер в 1509 году. Иоанн III, объявив Василия великим князем, позаботился, чтобы порядок наследования престола оставался впредь ненарушенным. Для этой цели он велел наследнику Василию заключить еще при жизни отца договор со следующим за ним по старшинству братом Юрием. По этому договору Юрий обещается держать Василия “господином и братом старшим, честно и грозно”, а после смерти Василия состоять в таких же отношениях к сыну его, которого он благословит на великое княжество, “быть под ним и не подыскиваться никаким способом”. Умирая, Иоанн III разделил уделы своим сыновьям, но при этом великий князь Василий получил 66 городов, а все остальные четыре сына вместе — 30 городов; только великому князю принадлежало право чеканить монету, собирать таможенный сбор и судить уголовные дела, и этим удельные князья совершенно подчинялись государственной власти московского государя. Иоанн III скончался в 1505 году, а Василий продолжил царствование отца. Он закончил то, что не успел сделать его отец. Лишен был тени самостоятельности Псков, присоединено Рязанское княжество и, наконец, в 1523 году последнее удельное княжество — Северское.

Так закончился удельный период Руси, так как братья Василия были уже не удельными князьями в прежнем смысле, а его подручниками. Когда северский князь был посажен Василием под стражу, по улицам Москвы бегал юродивый с метлой и кричал: “Пора последний сор выметать”. Братья Василия оказали ему полное повиновение, трое из них умерли еще при его жизни. Детей у Василия долго не было, и наследником являлся следующий за ним брат Юрий. Василий скорбел об этом, так как считал, что Юрий неспособен быть хорошим государем, и очень желал иметь сына. Наконец, в 1530 году от второго брака, с Еленой Глинской, у него родился сын Иоанн, а через год и несколько месяцев — Юрий. Брат его, князь Юрий Иоаннович, в договоре с ним подтвердил свое прежнее обещание, данное при жизни Иоанна III, признав наследником старшего сына Василия — малолетнего Иоанна. В 1533 году великий князь Василий опасно заболел и почувствовал приближение смерти. Он благословил трехлетнего Иоанна на великое княжение крестом св. чудотворца Петра-митрополита, а другим крестом благословил второго сына, Юрия, который получил небольшой удел. Предав наследника “Богу, Пречистой Богородице, святым чудотворцам и митрополиту Даниилу”, он увещевал своих братьев исполнять данное слово и под сыном его работать на благо Руси. Так же и бояр убеждал верно служить после его смерти сыну, сказав им при этом: “Вы знаете, что государство наше ведется от Владимира Святого. Мы — ваши прирожденные государи, а вы — наши извечные бояре”. Как только Василий III скончался, митрополит Даниил привел к присяге на верность великому князю Иоанну Васильевичу братьев покойного великого князя, а также бояр и остальных приближенных. Правительницей государства сделалась мать малолетнего государя Елена. После смерти ее правление перешло в руки бояр, враждовавших между собою и думавших более о личных выгодах, чем о благе государя и государства. Тяжелые впечатления этих лет наложили роковой отпечаток на характер Иоанна. Достигнув тринадцатилетнего возраста, Иоанн взял правление в свои руки. В 1547 году 16 января великий князь венчался на царство и 3 февраля женился на дочери боярина Романа Юрьевича Захарьина-Кошкина

Анастасии. В 1547 году Иоанн вступил в сношения с восточными патриархами по вопросу о признании за ним царского сана. Все четыре патриарха приветствовали его посланиями как царя, покровителя православия, и обещали молиться за него, как молились о прежних византийских царях. Вселенский же патриарх прислал, кроме того, особую грамоту, подписанную им и Собором 31 митрополита в 1561 году, в которой подтверждал совершенное в 1547 году митрополитом всея Руси Макарием царское венчание и признавал его царем, законным и благочестивейшим. Имя царя Ивана стало поминаться и балканскими славянами, и другими православными. Таким образом, русские великие князья всем православным миром признаны защитниками православия, преемниками равноапостольного Константина, “епископа внешних дел”, и остальных благочестивых царей, блюстителей православия.

Угнетенные иноверцами православные народы стали взирать на русского царя как на своего покровителя и будущего освободителя. В первую очередь русские государи, конечно, должны были позаботиться о частях Русской земли, подпавших под польско-литовское владычество, продолжая этим дело своих предков — объединение Руси. Вместе с этим границы Руси нужно было обезопасить от остатков Орды, делавших набеги на русские окраины. Последняя задача блестяще начала выполняться покорением в 1552 году Казанского царства. С этим радостным событием совпало рождение царского первенца — Дмитрия. В 1553 году царь Иоанн опасно заболел и, составив духовную грамоту, потребовал от двоюродного брата Владимира Андреевича и бояр присягу на верность наследнику Дмитрию. Однако многие приближенные не пожелали целовать крест, так как в малолетстве царя правительницей стала бы царица Анастасия, а главное значение должны были получить ее родственники — Захарьины. Опасаясь опять боярских смут, они хотели объявить наследником князя Владимира Андреевича. Царский брат Юрий, скончавшийся впоследствии, не оставив потомства, тогда не упоминался, так как, очевидно, не считался способным быть твердым царем. После долгих споров, которые слышал больной царь, все присягнули Дмитрию, но это своеволие навсегда осталось в памяти Иоанна. В неверности своему наследнику Иоанн усмотрел неверность и ему самому. Царь выздоровел, и сначала все продолжалось по-прежнему. Малолетний Дмитрий через несколько месяцев умер. В 1560 году скончалась царица Анастасия, любимая царем и народом, оставив сыновей Иоанна и Феодора и дочь.

После ее смерти начался мрачный период жизни Иоанна. С недоверием относясь к окружающим, он везде видел измену. Начались казни. В 1564 году он уехал в Александровскую слободу и объявил, что не хочет больше царствовать. Оставшись без законного государя, все пришли в ужас. Никто не думал о другом царе. Народ, бояре и духовенство умоляли Иоанна вернуться. Иоанн вернулся, поставив условием, что ему не будут мешать выводить измену; все соглашались, чтобы царь правил как ему угодно, лишь бы не оставлял царства. Видя своим больным воображением везде измену и заговор, Иоанн начал ужасные казни, думая, что этим он исполняет священный долг возложенного на него Богом царского служения: давать благоустройство своей земле, очищая государство от злых людей.

В поисках измены царь опустошал целые города (Новгород). Никто не мог быть уверенным, что завтра его не постигнет царский гнев. В 1569 году погибли двоюродный брат царя, князь Владимир Андреевич со своим семейством, и вдова родного брата Юрия, княгиня Иулиания. Государство было разделено на опричнину — собственно царская область, населенная особо преданными, как ему казалось, слугами-опричниками, и земщину — все остальное государство, управлявшееся обычным порядком, через бояр. Опричники грабили земщину, клеветали царю и производили расправы, иногда с необычайной жестокостью. Бывало, что казнь производил сам Иоанн. Все ужасались, но молчали, а в песнях, в которых вспоминается это время, народ даже отчасти становится на сторону царя и как бы считает, что на самом деле Грозный царь лишь выводил измену и лихих людей. Ревностный первосвященник Русской Церкви святой митрополит Филипп не вытерпел того, что творилось, и громко обличил царя. Но Иоанн не внял голосу святителя и на него самого воздвиг гонение; святой Филипп безропотно отправился в ссылку и предпочел получить мученический венец, чем вызвать возмущение против царской власти. В 1574 году Иоанн поставил над земщиной крещеного пленного татарского царя Симеона Бекбулатовича с титулом великий князь Симеон всея Руси, назвав себя московским князем Иваном, и, как обыкновенный подданный, писал челобитные: “Государю великому князю Симеону Бекбулатовичу Иванец Васильев со своими детишками с Иванцем да с Феодорцем челом бьет, государь, смилуйся, пожалуй”. Через два года, однако, Иоанн Васильевич лишил великого князя Симеона власти и сослал его в Тверь. Под конец жизни разделение Руси на опричнину и земщину было уничтожено Иоанном, все время не забывавшим, что отчиною его является не только все Московское государство, но и части Руси во главе с Киевом, подпавшие под иностранное владычество. И находясь на высоте своего царского величия, и отделяясь от власти, Иоанн оставался в глазах всего народа тем же прирожденным и Богом данным государем, а все остальные власти существовали, лишь пока это угодно было царю. Иоанн хорошо сознавал, в чем заключаются сила и преимущество его власти. “Мы, смиренный Иоанн, царь и великий князь всея Руси по Божию изволению, а не по многомятежному человеческому хотению”, — писал он, побежденный Стефаном Баторием, своему победителю, выборному польскому королю. И в светлые, и в мрачные дни своего царствования он всячески старался сохранить преемственность русской царской власти, вне зависимости и влияния “многомятежных человеческих хотений”.

Когда после смерти его первенца Димитрия в 1554 году у него родился сын Иоанн, то Иоанн IV взял со своего двоюродного брата Владимира Андреевича запись, по которой князь обязывается после смерти царя признавать царем родившегося царевича Иоанна и не отступать от него, хотя бы к этому подговаривал родной брат родившегося царевича. Этим Иоанн IV хотел у своих будущих детей отнять всякие возможности к выступлениям против старшего брата. В случае же смерти царевича Иоанна и остальных царских детей князь Владимир обязывался выполнить завещание царя, сохраняя должное почтение к его вдове. В 1572 году Иоанн Грозный составил духовное завещание. В нем он благословлял сына своего Иоанна “царством Русским, шапкой Мономаховою и

всем чином царским”, а второму сыну Феодору оставлял удел в 14 городов, но и этот удел оставался частью государства Московского. Феодор не только должен был во всем покоряться старшему брату, но и переносить его гнев и милость. В 1581 году Иоанн Грозный в порыве гнева убил царевича Иоанна, не оставившего после себя потомства. Наследником сделался Феодор. Иоанн не считал его способным твердо держать скипетр, так как Феодор был более склонен к монашеской рясе, “чем царской порфире”. “Звонарем тебе быть, Федя, а не царем”, — говаривал ему царь Иоанн. Однако он не умалял его прав на престол по первородству.

Задумавши в 1582 году жениться на племяннице английской королевы, Иоанн хотел отпустить свою супругу Марию Нагую, так как считал полезным породниться с английским королевским домом и для этого пожертвовать рабой, т. е. подданной. Но посол должен был предупредить английскую королеву, что дети от нового брака получат лишь уделы, а царем будет Феодор, потому что дело “иначе стать не может”. Брак, впрочем, не состоялся, и Иоанн остался жить с Марией Феодоровной Нагой, своей шестой или восьмой супругой. От этого брака в 1582 году родился сын, как и скончавшийся маленький первенец царя, названный Димитрием. Иоанн IV предполагал учредить опеку на случай своей смерти, но все время оставался неизменен в мысли, что царем после него будет Феодор. 18 марта 1584 года Иоанн Васильевич Грозный скончался, и старший из бывших в живых сыновей, Феодор, стал царем.

Как только царь Иоанн скончался, в народе распространился слух, быть может, из личных целей пущенный некоторыми боярами, что царя Иоанна извел боярин Богдан Бельский, воспитатель маленького Димитрия, и что он хочет известить и царя Феодора. Произошло волнение, и народ бросился в Кремль на защиту царя. Волнение было прекращено тем, что Бельский был выслан в Нижний Новгород. Димитрию в удел дали Углич и послали его туда с матерью и дядьями. В России по всей земле было известно, что царевич Феодор не любит светской жизни, и опасались, как бы он не отказался от принятия царской власти. Поэтому вскоре съехались представители духовенства и населения, 4 мая состоялось заседание образовавшегося таким образом Земского собора, который обратился к Феодору Иоанновичу с просьбой не откладывать венчания на царство. На Вознесение 31 мая царь Феодор венчался на царство. Главным его боярином сначала был его родной дядя Никита Романович Захарьин, который управлял всеми делами. После его смерти в 1586 году царь Феодор поручил правление государством своему шурина Борису Годунову, сам почти совершенно удалившись от государственных дел. Борис Годунов осуществлял, можно сказать, всю полноту царской власти, лишь действуя от имени царя. Детей у Феодора Иоанновича не было, и наследником являлся подраставший в Угличе царевич Димитрий. 15 мая 1591 года св. благоверный царевич Димитрий был найден убитым в своем дворе. Среди народа распространился слух, что убийцы были подсланы Борисом Годуновым, желавшим сделаться самому царем. Жители Углича, растерзавшие убийц, были строго наказаны, так как следственная комиссия, посланная из Москвы Годуновым, объявила, что царевич зарезался сам и что растерзанные были невинные люди. Но этому сообщению не верили. В 1592

году у царя родилась дочь Феодосия, но скоро умерла. В 1596 году скончался царь Феодор Иоаннович, не объявив никого наследником. С его смертью пресекся род великих князей и царей московских.

Бывшие удельные князья, поступившие на службу московских князей, хотя и помнили свое происхождение, все же считались членами царского дома и являлись обыкновенными боярами — холопами царя. Встал вопрос: кому быть царем? Опекуншей оставшегося без наследников царства и его правительницей считалась, когда умер царь Феодор, его вдова царица Ирина; подобно тому как и прежде вдовы великих князей управляли при малолетнем наследнике. Но на 9-й день после смерти супруга царица постриглась с именем Александры и отказалась принимать участие в государственных делах. Государство осталось без главы. Казалось, что лучшим выходом из создавшегося положения было бы, если бы Борис Годунов, приняв царский титул, продолжил бы управлять Россией, что он с таким умением делал в течение 8 лет именем царя Феодора.

После бурного царствования Иоанна Грозного царствование Феодора Иоанновича было отдыхом и успокоением для Руси. Были произведены весьма благодетельные для населения мероприятия, были защищены от неприятеля границы. Первосвященник Русской Церкви был возвышен из митрополичьего в высший патриарший сан. Все это происходило при непосредственном участии Бориса Годунова. О смерти царевича Дмитрия уже перестали говорить, и Борис Годунов, как правитель, приобрел всеобщее расположение. Поэтому, когда народу сообщили, что царица постриглась, сейчас же раздались голоса: “Да здравствует царь Борис Феодорович”. Патриарх Иов горячо поддерживал это, считая Бориса Годунова умным государственным деятелем и благочестивым христианином. Борис отказался принять царскую власть и уехал в Новодевичий монастырь к своей сестре, вдовствующей царице-инокине, которая тоже отказалась благословить брата на царство. Тогда был созван Всероссийский земский собор. Земский собор вслед за патриархом решил умолять Бориса быть царем. Указывалось на его родство с последним царем, на то, что будто Иоанн Грозный, умирая, поручил Феодора заботам Бориса Годунова, что от скончавшегося царя был поставлен во главе государства, показал при нем свою государственную мудрость и является теперь лучшим его преемником. Громадный крестный ход во главе с патриархом отправился в Новодевичий монастырь, причем духовенство угрожало отлучить Бориса от Церкви, если он и дальше будет упорствовать. Искренно или притворно, Бог весть помышления человеческие, отказавшийся прежде от престола Борис теперь согласился принять престол от Земского собора, как бы уступая лишь настоянию патриарха и всего русского народа. Царица-инокиня благословила его. Через несколько месяцев Борис венчался на царство, причем, указывая на ворот своей сорочки, обещал и последнюю сорочку разделить с бедными своего царства. В грамоте о восшествии на престол Бориса Годунова и в приветственной речи патриарха указывались вышеприведенные его права на престол. Присягали не одному Борису, а также сыну его и дочери, т. е. династии. Подобно тому как прежде Русь принадлежала своему княжескому роду, позднее московскому царскому, хотя власть сосредоточивалась в руках старшего в порядке первородства ее члена, так и теперь царский престол переходил всему

роду Годуновых, хотя самодержавную власть восприял единолично Борис.

Сын Бориса Феодор, в силу самого вступления на престол отца, делался наследником престола по установившемуся со времен Иоанна Калиты обычаю.

Первое время царствования Бориса было продолжением его прежней деятельности как правителя, и было много сделано для благосостояния страны. Но потом, вследствие неурожаев, начался голод, и появились разбойничьи шайки. Борис, вступивший на престол хотя и по всенародному избранию, но помнивший, что права его на доставшийся престол были не исключительны, что были и другие лица, которые могли иметь такие же, или даже большие, чем он, права на наследование престола после царя Феодора, стал преследовать тех, которые, как ему казалось, могли считать себя обойденными. Борис боялся, чтобы кто-нибудь из них не выступил претендентом теперь, воспользовавшись начавшимися несчастиями. Но бояться нужно было не их. В народе воскресли слухи о причастности Годунова к убийству царевича Димитрия, и начали говорить, что Бог карает Русь за то, что на престоле сидит убийца законного наследника. В 1604 году в Польше явился человек, который объявил, что он Димитрий, спасшийся от подосланных к нему Борисом убийц, убивших по ошибке другого мальчика, и что он зовет русских людей помочь сесть ему на прародительский престол. К нему стал стекаться народ. При поддержке римского папы и поляков Лжедмитрий составил войско и перешел границу Московского государства. Борис и патриарх сделали все возможное, чтобы изобличить самозванца, кроме того, Борис сделал все, что было в его силах, чтобы облегчить народные несчастья. Ничто не помогало. Перед тенью законного царя исчезла любовь к мудрому правителю, всенародным избранием восприявшему царский венец. Народ массами переходил на сторону Лжедмитрия, считая, что лишь воцарение законного царя прекратит Божий гнев. Переходили на сторону самозванца и многие бояре, хотя и не верившие ему, но ненавидевшие Бориса за то, что он возвысился над ними и, не имея особых прав по рождению, утвердился на престоле московском. Взволнованный успехом самозванца, царь Борис скоропостижно скончался, и на престол вступил его сын Феодор. Московское государство опять присягнуло роду Годуновых: вдове царице, молодому царю и его сестре. Однако вскоре царский воевода Басманов, посланный против самозванца, со всем войском перешел на сторону последнего. В Москву прибыли посланные Лжедмитрия, и москвичи восстали против того, кому недавно присягали, думая, что защищают права более законного наследника московских государей. Годуновы из царского дворца были перевезены в свой прежний боярский дом, а к самозванцу было отправлено посольство с повинной грамотой. Через 10 дней прибыли новые посланные от самозванца, которые свели с кафедры патриарха Иова, отправили его в Старицкий монастырь и сослали родственников Годуновых. По их же поручению пять человек отправились в дом Годуновых и зверски умертвили Феодора Борисовича и его мать. 20 июня 1605 года Лжедмитрий, восторженно приветствуемый народом, въехал в Москву. Вдова Иоанна Грозного, инокиня Марфа Нагая, признала его своим сыном, Шуйский, производивший расследование об убийстве царевича Димитрия, также много способствовал торжеству самозванца, так как всенародно объявил, что царевич в действительно спасся

от подосланных убийц и вместо него погребен попов сын. Однако после вступления Лжедмитрия в Москву он начал втихомолку говорить, что новый царь — самозванец, а настоящий царевич убит. Прежнее показание он, очевидно, дал, чтобы добиться низложения Годуновых. Уличенный, Василий Шуйский был приговорен к смертной казни, но, уже приведенный на плаху, помилован Лжедмитрием.

Лжедмитрий во всем старался показать, что он настоящий царевич и законный царь. Он возвысил и приблизил к себе мнимых родственников и, не боясь других претендентов на престол, вернул всех сосланных Борисом. Лишь родственники Бориса и наиболее ревностные его приверженцы были удалены. В своем правлении Лжедмитрий показывал довольно большую государственную мудрость и даже значительно упорядочил правительственную систему. Однако что неприятно поражало москвичей — это пренебрежение новым царем народных обычаев, церковных уставов и обрядов, а также благоволение, которое он оказывал пришедшим с ним немцам и полякам. Особенное возмущение вызвала его женитьба на польской панне Марине Мнишек, не желавшей оставить католичества. Казанский митрополит Ермоген и Коломенский епископ Иоасаф требовали крещения царской невесты, но за это были высланы из Москвы. Патриарх Игнатий, поставленный по желанию Лжедмитрия вместо Иова, благословил брак без перекрещивания Марины, хотя брак был совершен по православному чину, а перед ним она была коронована в московские царицы и причащена Святых Тайн.

Неудовольствием народа решил воспользоваться Василий Шуйский. Он поехал к стоявшему возле Москвы отряду войск и объявил ему, что на престоле сидит самозванец с женой еретичкой, предающий православную веру. Отряд решил свергнуть самозванца. Но так как народ, несмотря на недовольство поступками Лжедмитрия, все же видел в нем настоящего, законного царя, то нужно было действовать хитростью. В ночь на 17 мая отряд был введен в Москву. С криками “Поляки хотят убить царя” ударили в набат, и народ побежал толпами ко дворцу спасать царя. Василий Шуйский с крестом в одной руке и мечом в другой подъехал ко дворцу во главе отряда. Заговорщики кинулись во дворец и потребовали от Лжедмитрия сознаться в самозванстве. Он уверял, что он настоящий Димитрий, и пробовал защищаться, но был убит. Марфа Нагая объявила, что убитый вовсе не сын ее и она признавала его лишь из страха. Беспорядки, сопровождавшие смерть самозванца, длились два дня. Обезображенный труп был сначала выставлен напоказ, а потом сожжен; пеплом зарядили пушку и выпалили на запад, “туда, откуда пришел польский свистун”. 19 мая на Красной площади были собраны жители Москвы и было предложено приступить к избранию патриарха (Игнатий, как поддержавший самозванца, был удален), который созывает Земский собор для выбора царя. Но сторонники Шуйского боялись, что независимый патриарх и совесть русского народа подскажут другое имя. Они закричали, что царь нужнее патриарха и что царем должен быть Василий Шуйский. Василий Шуйский был объявлен царем и 1 июня венчан на царство, а вслед за этим собор святителей вручил патриарший жезл Казанскому митрополиту Ермогену. Во все города были разосланы грамоты от

нового царя и Марфы Нагой о самозванстве убитого Лжедмитрия. Кроме того, Василий Шуйский в своих грамотах старался обосновать свое право на престол. Он указывал, что является потомком Александра Невского, происходя от старшего сына Андрея, и является законным преемником верховной власти на Руси, которая до сих пор находилась у прекратившейся линии младшего сына Александра Невского Даниила; и сел он на престол, упрощенный всеми людьми Московского государства. В этих утверждениях была доля правды. Действительно, Шуйские были представителями более старшей линии, чем угасшая линия великих князей московских. Но на них перестали уже давно смотреть как на членов княжеского дома: князья Шуйские, как и прочие удельные бывшие князья, сохранили лишь свой княжеский титул и были, наравне с прочими боярами, обыкновенными холопами московского царя. Поэтому указание на права его на престол представлялись значительной натяжкой, тем более что не было доказательств, что при переходе престола в старшую линию великих князей именно Василий Шуйский являлся ближайшим наследником. Еще неверным было утверждение, что избрание произведено “всеми людьми Московского государства”. Даже если под Московским государством подразумевать не все царство, а лишь ядро его — первоначальное Московское княжество, то и тут не было правильного избрания, а князь Василий Шуйский был выкрикнут толпой москвичей.

Вновь избранный патриарх Ермоген был поставлен уже после воцарения и венчания на царство Василия Шуйского. Не переоценивая прав, которые имел князь Шуйский на вступление на престол, патриарх Ермоген считал, что совершенное над ним царское венчание закрепило за ним эти права, тем более что князь Василий если не имел сам, то и не задевал чьих-нибудь исключительных прав на престол. Не сходясь и разногласия имея с ним во многих вопросах, патриарх Ермоген не переставал оказывать ему всяческую поддержку против его врагов, видя в нем представителя и охранителя порядка и законности на Руси. В первый момент казалось, что воцарение Василия Шуйского спокойно принято по всей Руси. Однако многие все же не верили, что царствовавший под именем Димитрия был самозванец, и продолжали думать, что это настоящий сын Иоанна Грозного. Вскоре начали носиться слухи, что Димитрий Иоаннович и теперь спасся. Особенно сильно эти слухи распространились в Южной Руси, где находились высланные или убежавшие из Москвы многие приверженцы убитого Лжедмитрия.

Возвращавшийся в Россию из турецкого плена холоп Иван Болотников, встретившись в Польше с одним из приближенных Лжедмитрия, был уверен им, что спасенный царь скрывается там. Явившись в Россию, Болотников стал собирать войско в защиту законного царя, и восстание против Шуйского охватило вскоре весь юг России. Войско Болотникова состояло из холопов и крестьян, так как Болотников, сам холоп, поднимая восстание за царя, в то же время призывал к уничтожению боярства и крепостных порядков. В Рязани же собралось для восстановления на престол Димитрия дворянское ополчение под предводительством братьев Ляпуновых. Из юго-восточных степей двинулся еще и третий отряд под предводительством Лжепетра. Еще в последние дни царствования Лжедмитрия терский казак Илейка объявил, что он в

действительности сын царя Феодора Иоанновича Петр, родившийся в 1592 году и подмененный Борисом Годуновым на скончавшуюся девочку Феодосию. Лжедмитрий понял, что открыто бороться с новым самозванцем нельзя, так как наследником Феодора Иоанновича должен бы быть его сын, а не брат, и в случае столкновения его с Лжепетром войско и народ могут перейти на сторону последнего. Поэтому он обратился к Лжепетру с приглашением прибыть в Москву, распорядившись, чтобы его встречали с подобающими почестями. Однако по пути в Москву Лжепетр узнал о гибели своего мнимого дяди и остановился. Теперь же он соединился с Болотниковым для борьбы с их общим врагом — воцарившимся в Москве князем Василием Шуйским. Соединенные ополчения Ляпуновых, Болотникова и Лжепетра двинулись на Москву. Ляпуновы увидели вскоре, что отряды Болотникова хотя идут под знаменем восстановления законной власти, но в то же время настроены против теперешних порядков на Руси, а по приемам мало отличаются от разбойничьих шаек. К тому же они усомнились в действительном спасении Дмитрия и, не желая дальше участвовать в разрушении Русского государства, признали царя Василия и покорились ему. После этого войска Василия Шуйского осадили Болотникова и Лжепетра в Туле и принудили их к сдаче. Оба они были казнены, хотя Болотников и уверял, что действовал все время из желания верно служить законному царю Дмитрию, но теперь, оставленный им без помощи “на произвол судьбы”, он так же верно будет служить царю Василию.

На юге тем временем продолжали собираться войска под знамена царя Дмитрия. Но где находился и скрывался сам Дмитрий, все еще никто не знал. Один из сторонников Лжедмитрия прибыл набирать войско в Путивль и объявил, что недалеко находится сам царь. Чтобы увидеть царя, посольство путивльцев отправилось с ним в Стародуб, но, видя, что там нет царя, хотело его избить. Желая избежать расправы, он закричал: “Да вот же перед вами царь!” — и указал на одного самозванца, выдававшего себя за Феодора Нагого, дядю Дмитрия. Тот грозно закричал на них: “Как! Вы не узнаете меня, вашего государя?!” Никогда не видавшие ни маленького царевича, ни царя Лжедмитрия, путивльцы и стародубцы повалились в ноги, прося прощения, а самозванец присвоил с этого времени себе имя убитого Дмитрия. Известие, что спасенный царь объявился, охватило Русь, и многие области признали его. Собрав войско, Лжедмитрий Второй двинулся на север, но Москвы взять не смог. Борьба из-за подмосковских областей шла с переменным успехом. Наконец самозванец укрепился недалеко от Москвы, в селе Тушине. Многие области, особенно окраинные, искренне признавали за царя тушинского самозванца. Были с их стороны даже примеры героизма во имя защиты правды и законности. Так, один стародубский боярский сын отправился в стан Шуйского к самому царю, спросить его, зачем он подыскался царства под прирожденным государем. Он скончался, поджариваемый на медленном огне, повторяя обвинение против Шуйского. Большая часть центральных областей, более знакомых с тем, что делалось в Москве, последнее время не верила самозванцу и признавала царем Василия Шуйского. За Шуйского же стояла большая часть монастырей и духовенства, следуя примеру св. патриарха Ермогена и Троице-Сергиевой обители. Однако, кроме искренних приверженцев одного из царей, законного, как они считали, и того, и другого окружали еще лица,

заботившиеся только о личной выгоде и ради нее готовы служить даже заведомому самозванцу. Были такие, метко названные современниками “перелетами”, которые ехали к одному из них, выпрашивали у него всяких милостей и привилегий, а затем, чуть ли не в тот же день, проделывали это у другого. Положение Тушинского вора очень укрепило признание его вдовой первого Лжедмитрия Мариной Мнишек, которая сделала это по настоянию иезуитов, тайно обвенчавшись затем с ним. Римский престол надеялся использовать Лжедмитрия в целях насаждения в России католичества. Единственно, что их смутило, было появление Лжепетра, так как была опасность, что у Лжедмитрия не окажется более законных оснований считать себя царем. Однако и из этого сумели извлечь пользу. В Польше был изготовлен тайный наказ о переговорах с Лжедмитрием о введении в России унии, и одним из побуждений к этому было выставлено, что в случае если окажется живым сын его старшего брата, то, значит, он и должен (по русским порядкам) наследовать престол; но если Дмитрий обещает принять унию, то, конечно, римский папа скорее поддержит того, кто более ревностен в делах веры. Лжепетр погиб еще в 1607 году, и Тушинский вор старался отделаться от появлявшихся новых самозванцев.

Взаимная борьба между русскими истощала и без того разоренную Россию. Среди обоих разделенных враждою частей ее, как всегда бывает в подобных случаях, стали возникать неудовольствия на своих государей, тем более что не было всеобщей твердой уверенности в законности каждого из них. Сначала начались волнения среди подданных Шуйского. 17 февраля 1609 года была первая попытка свергнуть его. Говорили, что он несчастлив, что из-за него кровь льется. Заговорщики стали кричать в толпе, собравшейся около Лобного места, что Василий избран незаконно одной лишь Москвой, а не всей землей. Патриарх Ермоген, всячески старавшийся защитить царя, возразил, что до сих пор ни один город Москве не указывал, а Москва всем указывала. На этот раз попытка свергнуть царя не удалась. Однако положение Шуйского становилось все труднее. Польский король, воспользовавшись смутами в России, вторгся в ее пределы и, ссылаясь на родство свое с московскими царями, выставил кандидатом на престол своего сына Владислава. Племяннику царя Михаилу Скопину-Шуйскому удалось при помощи шведского отряда и восставших против самозванца северных областей разбить тушинское войско, и Лжедмитрий бежал в Калугу.

Москвичи встретили с восторгом Скопин-Шуйского, сделавшегося народным героем, и надеялись, что он поведет теперь войска на польского короля, осаждавшего Смоленск. Но Михаил Скопин-Шуйский скончался на пиру у царского брата Дмитрия, и народная молва приписала это отраве. Войско, посланное под начальством этого же Дмитрия против поляков, было разбито, а шведы, перестав помогать царю Василию, заняли Новгород. Поправились отчасти и дела самозванца. После его бегства из Тушина часть не последовавших за ним приверженцев отправила посольство к польскому королю Сигизмунду для переговоров о воцарении в России Владислава. Переехавшие в Москву тушинцы поддерживали эту мысль и среди москвичей. Неудачи в борьбе с поляками и “вором” усилили движение против Шуйского. В это время из лагеря самозванца пришло предложение: бросить взаимную борьбу и, свергнув обоих царей, избрать

одного, общего. Некоторые ухватились за это предложение. 17 июля 1610 года несколько человек с Захарием Ляпуновым во главе явились к царю Василию и предложили ему оставить царство. Шуйский переехал в свой прежний дом. Через два дня, 19 июля, его насильно постригли в монахи. Так как он не пожелал произносить монашеских обетов, их произносил один из заговорщиков.

Свергнув Шуйского, обратились в стан самозванца за выполнением условия, но услышали ответ: “Вы своего царя свергли, а мы за нашего государя помереть готовы”. Патриарх Ермоген вопиял против незаконного свержения венчанного на царство Василия Шуйского, не признавал его пострижения и продолжал молиться, как за царя, а постриженным считал того, кто произносил обеты. Но его не слушали. Во главе государства стала временно боярская Дума. Гетман Жолкевский, начальствовавший над польским войском, подступил к Москве и потребовал признания царем Владислава. Бояре, предпочитая польского королевича “вору”, начали свыкаться с мыслью, что единственным выходом является соглашение с поляками. Не все, однако, были согласны с этим. Раздавались голоса, что нужен русский царь, и указывались бояре — князь Василий Васильевич Голицын и четырнадцатилетний Михаил Феодорович Романов. Патриарх всячески старался убедить в опасности избрания иноверного царя. Тем не менее переговоры об избрании королевича Владислава начались. Патриарх согласился благословить это под единственным и непременным условием — крещения в православную веру королевича. Это было внесено в предварительный договор, заключенный боярами и гетманом Жолкевским, и в конце августа Москва, а за ней и другие города присягнули королевичу Владиславу. Однако избрание Москвой польского королевича усилило на Руси движение в пользу самозванца, так как там была хоть надежда, что это православный царевич, а в принятие Владиславом православия мало верили. Польские войска отогнали самозванца от Москвы, и гетман начал настаивать на скорейшей отправке посольства к королю Сигизмунду. Большое посольство, возглавляемое князем Голицыным и митрополитом Филаретом Романовым, было отправлено под Смоленск просить короля дать сына на Русское царство. Условия сводились к немедленному принятию Владиславом православия, охранению им православной веры и русской народности, для чего, между прочим, он должен и жениться на православной, и сохранению целостности Русского государства, что должно немедленно выразиться в отступлении короля от Смоленска. Однако выяснилось, что король не только не намерен признать эти условия, но и думает сам быть русским государем. Осада Смоленска продолжалась, а послы оказались в положении пленников. Переговоры без всяких успехов продолжались несколько месяцев. Между тем стоявший под Москвой польский отряд вошел в саму Москву, как бы для защиты от самозванца и поддержания порядка с согласия бояр. Однако произошло то, что предвидел св. патриарх Ермоген, которому сторонники поляков говорили, что его дело смотреть за Церковью и не вмешиваться в государственные дела.

Поляки стали вести себя как настоящие хозяева, совершенно не считаясь с русскими властями и чувствами русских людей. Бывший царь князь Василий Шуйский по их требованию был сначала выслан из Москвы, а потом вместе с братьями увезен поляками в качестве пленника в Польшу, где и скончался в 1612

году. Такое поведение поляков возмущало население, и целые области стали переходить на сторону “вора”, видя в нем опору против иноземцев. Ему подчинились такие крупные центры, как Казань и Вятка. В декабре 1610 года “вор”, в котором уже лишь немногие продолжали видеть настоящего Димитрия, был убит одним из приближенных. Родившегося после его смерти от Марины сына Ивана только самые ревностные приверженцы признали за царевича. Разделение Руси на две части, существовавшее со времени воцарения Шуйского, таким образом, уничтожилось, и города стали переписываться между собою об изгнании общими усилиями врагов. К этому призывал своими грамотами и св. патриарх Ермоген, который, в понятии русских людей, в это безгосударственное время возглавлял государство, являясь как бы блюстителем пустующего царского престола и стражем благосостояния и целостности Руси. Напрасны были попытки поляков заставить плененное ими русское посольство признать тот или другой акт, исходящий из Москвы, если на нем не было подписи патриарха. Напрасны были и усилия их русских приспешников в Москве ограничить влияние патриарха на дела государственные или заставить его замолчать. Первоначально движение русских городов не было направлено против королевича Владислава. Русские собирались общими усилиями изгнать из своей земли иноверцев и иностранцев, соглашаясь признать царем Владислава в случае его крещения в православную веру. Однако когда выяснилось, что король не думает дать сына на православное Московское царство, патриарх разрешил русских людей от присяги Владиславу. Патриарх Ермоген, уже посаженный под стражу, призывал, несмотря на угрозы поляков и их приспешников, Божие благословение на русскую рать, под начальством Прокопия Ляпунова двигавшуюся к Москве, занятой врагами, и, наконец, начавшую ее осаду.

Несогласия между русскими и споры из-за первенства разрушили, однако, это ополчение. Прокопий Ляпунов был убит, а ополчение распалось. Св. патриарх Ермоген скончался от голода и нужды 17 февраля 1612 года в подземелье Чудова монастыря, но его дело продолжили любимый им архимандрит Троице-Сергиева монастыря св. преподобный Дионисий с келарем Авраамием Палицыным. Они всюду рассылали грамоты, призывая русский народ встать на защиту православной веры и московских святынь. Эти грамоты всколыхнули русские сердца. По почину нижегородского гражданина Минина-Сухорука стало собираться второе русское земское ополчение “на защиту Дома Пресвятой Богородицы и Московских чудотворцев”. Движение скоро охватило почти всю Русскую землю. Под начальством князя Пожарского земское ополчение, при котором было создано и временное Управление Земли, осадило Москву, и 22 октября 1612 года русская столица была освобождена от неприятеля. Теперь от всей Русской земли стали созываться выборные для устройства государства. Земской Собор собрался к январю 1613 года. На нем была представлена вся не находившаяся под властью иноземцев Русь. Общее число его участников неизвестно, так как хотя под актами его имеется 227 подписей, но большинство было неграмотных. Историки предполагают, что всего в нем участвовало около 800 человек. Первый и главный вопрос был об избрании царя. Другой верховной власти на Руси никто не предполагал и не допускал. Но кому быть царем? Первое постановление, которое сделал Собор, — это “не избирать ни одного из

иностранных и иноверных королевичей” и “не хотеть Маринкина сына”, а избрать своего, русского, “из великих московских родов”. Этим было сразу покончено со всеми кандидатурами, выдвинутыми во время русской разрухи: польского королевича Владислава, шведского Филиппа, избранного было новгородцами под давлением занимавших Новгород шведов на Новгородское государство, а также со всеми отпрысками самозванщины. Но оставалось самое трудное — решить, кто же именно должен возглавлять Русь. На этом долго не могли согласиться члены Собора. Было много великих московских родов, из коих многие хотя и были теперь обыкновенными боярами, однако происхождение свое вели от прежних удельных князей, от литовских князей и даже от татарских крещеных царевичей. Другие обладали большими вотчинами и поместьями, третьи славились государственными заслугами, иные большою мудростью и гражданской доблестью. У многих являлась мысль — возложить царский венец на того, кто, возглавив земское ополчение и русских людей, освободил Русь от неприятеля.

“Говорили, — пишет летописец, — о царевичах, которые служат в Московском государстве, и о великих родех, кому из них Бог даст быть государем. Много было волнение всяким людем, кийждо хотяше по своей мысли деяти, кийждо про коего говоряше, не помянуша бо Писания, яко Бог не токмо царство, но и власть кому хочет, тому даст, и кого Бог призовет, то и прославит; начаша советовати о избрании царя и много избираючи искаху, не возмогша вси на единого согласитися; овий глаголаху того, иний же иного, и вси разно вешаху и всякий хотяше по своей мысли учинити и тако препровождаху не малые дни. Многие же от вельмож, желаючи царем быти, подкупахуся, многим и даючи, и обещаючи многие дары”. 7 февраля один галичский дворянин подал на Собор письменное заявление, что ближе всех по родству с прежними царями стоит Михаил Феодорович Романов, и поэтому он и должен быть царем. Это имя, упоминавшееся и прежде, возбудило недовольство среди части членов Собора, и раздались голоса: “Кто принес такую грамоту, кто, откуда?” В это время подходит донской атаман и тоже подает письменное мнение. “Что это ты подал, атаман?” — спросил князь Пожарский. “О природном царе Михаиле Феодоровиче”, — был ответ. Одинаковые мнения галичского дворянина и донского атамана, указавших не на достоинство, а на права лица, ими предлагаемого, решили дело. Собор остановился на Михаиле Феодоровиче Романове и прервал свои занятия на две недели, чтобы члены Собора узнали мнение народа по городам и уездам. 21 февраля 1613 года, в Неделю православия, Собор собрался, и все подали письменные мнения. Все они оказались одинаковыми — в цари указывался Михаил Феодорович Романов. Рязанский архиепископ Феодорит, троицкий келарь Авраамий Палицын, новоспасский архимандрит Иосиф и боярин Морозов, взойдя на Лобное место, спросили у народа, наполнявшего Красную площадь, кого хотят в цари. “Михаила Феодоровича Романова”, — был ответ.

Так единодушно закончились распри русских людей о том, кто должен быть всероссийским царем, столько лет волновавшие и губившие Русь. Но что же привлекало сердца всех к Михаилу Романову? Он не имел ни государственного опыта, ни каких-либо государственных заслуг. Он не отличался государственной мудростью Бориса Годунова или знатностью рода, как князь Василий Шуйский.

Ему было всего шестнадцать лет, и “Миша Романов”, под коим именем он был всего больше известен, не успел еще себя ни в чем проявить. Почему же на нем остановился русский народ и с его воцарением прекратились все споры и волнения относительно царского престола? Русский народ истосковался по законном, “природном” государе и убедился, что без него не может быть порядка и мира на Руси. Когда избирались Борис Годунов и князь Василий Шуйский, то хотя они и имели, до некоторой степени, права на престол по родству с прежними царями, но избраны они были не по причине их исключительных прав, а принимались во внимание их личности, здесь не было строгого законного преемства. Этим и объяснялся успех самозванцев. Теперь русские убедились в обмане самозванцев. Однако избрать в цари какое-нибудь лицо за его качества было почти невозможно, каждый оценивал кандидатов со своей точки зрения. Отсутствие определенного закона, который предусматривал бы наследника в случае пресечения линии великих князей и царей московских, делало, однако, необходимым, чтобы народ сам указал, кого он желает в цари. Потомки удельных князей, хотя и происходили из одного рода с царями московскими и сами об этом никогда не забывали, в глазах народа являлись обыкновенными боярами, “холопами” московских государей; их отдаленное родство с царствующей линией уже утратило свое значение, да к тому же и трудно было установить, кто именно из потомков св. Владимира по мужской линии имеет наибольшие основания быть признанным ближайшим преемником прекратившейся царственной линии. При таких обстоятельствах все объединились на предложении, чтобы угасшую царскую ветвь продолжил ближайший родственник последнего “природного” законного царя. Ближайшими родственниками царя Феодора Иоанновича были его двоюродные братья по матери: Феодор, в монашестве Филарет, и Иван Никитичи Романовы, оба имевшие сыновей. Престол должен бы перейти в таком случае к Феодору, как старшему, но его монашество и сан митрополита Ростовского препятствовали этому. Наследником его являлся его единственный сын Михаил. Таким образом, вопрос шел уже не о выборе царя, а о признании за определенным лицом его права на престол. Измученный смутой и беззаконием, русский народ приветствовал такое решение, так как видел, что порядок может восстановить лишь законный, “природный” царь. Народ вспоминал и заслуги Романовых перед родиной, их страдания за нее, кроткую царицу Анастасию Романовну, твердость Филарета Никитича. Все это еще сильнее привлекало народные сердца к нареченному царю; но эти качества имелись и у некоторых других государственных мужей и печальников за Русь. И не это было причиной избрания царем Михаила Феодоровича, а то, что именно в нем Русь увидела своего наиболее законного и природного государя.

В актах об избрании на царство Михаила Феодоровича тщательно устранялась мысль, что он вступает на престол в силу народного избрания, и указывалось, что новый царь — Божий избранник, прямой преемник последнего наследственного государя. “А мы, всякие люди Московского государства от мала до велика и из городов выборные и невыборные люди, все обрадовались сердечною радостью, что у всех людей одна мысль в сердце вместилась — быть государем царем блаженной памяти великого государя Феодора Иоанновича племяннику, Михаилу

Феодоровичу; Бог его, государя, на такой великий царский престол избрал не по чьему-либо заводу, избрал его мимо всех людей, по Своей неизреченной милости; всем людям о его избрании Бог в сердце вложил одну мысль и утверждение”. В грамоте об избрании Михаила Феодоровича перечисляются прежде бывшие русские великие князья и цари, после чего говорится, что все православные крестьяне всего Московского государства, от мала и до велика, “и до сущих младенцев, яко едиными усты вопияху и взываху, глаголюще”, что быть на Владимирском и на Московском и на Новгородском государствах и царствах государем царем и великим князем всея России, самодержцем блаженной памяти и хвалы достойного великого государя царя и великого князя Феодора Иоанновича всея России самодержца сродичу, благоцветущия отрасли от благочестивого корени родившемуся — Михаилу Феодоровичу Романову-Юрьеву. Михаил Феодорович, таким образом, явился как бы продолжателем старой линии московских царей, которого народ не выбрал, а лишь признал законным своим государем. Никогда русские государи не были царями волею народа, а всегда оставались самодержцами Божией милостию, государями по Божию изволению, а не по многмятежному человеческому хотению. Вступившие на престол Романовы восприяли все мировоззрение, заветы и обычаи своих царственных предшественников, ибо смотрели на себя так же, как на них смотрел русский народ, — не только как на преемников власти, но и продолжателей рода московских царей.

Когда царь Алексей Михайлович послал митрополита Никона за мощами святителя Филиппа в Соловецкий монастырь, то он дал ему грамоту, в которой слезно обращается к святителю Филиппу с просьбой прибыть и разрешить грех прадеда его царя Ивана Васильевича. Романовы, как ближайшие родственники, как бы восполнили отсутствовавшее прямое потомство Иоанна Грозного, как бы влились в прежнюю династию. При этом был соблюден порядок первородства: на престол был призван сын первородного из ближайших родственников последнего наследственного царя, а этот ближайший родственник, не могший сам занять престол ввиду своего духовного сана, возглавил Русскую Церковь как патриарх всея Руси, нося в то же время титул великого государя и являясь руководителем и соправителем сына. Патриарх и великий государь Филарет Никитич скончался в 1633 году, а царь Михаил Феодорович продолжал единолично управлять Русью до своей смерти 12 июля 1645 года. Перед смертью он благословил на царство единственного оставшегося в живых своего сына Алексея, который за два года перед этим по достижении четырнадцатилетнего возраста был торжественно “объявлен” наследником престола. Земский собор, собравшийся в это время в Москве, лишь засвидетельствовал, что такое престолонаследие сообразно с прежними обычаями и согласно с правовоззрениями и духом народа. Царь Алексей Михайлович имел много детей, но наследником престола неизменно считался старший из сыновей — Димитрий, родившийся 22 октября 1649 года (с какого времени этот день стал праздноваться по всей России, а не только в Москве, как было с 1612 года по этот год). Он умер в 1651 году. После него наследником был второй сын царя — царевич Алексей, родившийся в 1654 году, который в 1667 году был тоже торжественно “объявлен” — показан послам, чинам

и народу как наследник престола. Царевич Алексей умер в 1670 году, немного раньше его умер следующий за ним его брат Симеон, и царь Алексей Михайлович 1 сентября 1674 года, в день празднования Нового года, так же торжественно объявил наследником престола своего четырнадцатилетнего четвертого сына Феодора. По кончине царя Алексея Михайловича царь Феодор Алексеевич вступил на престол и, процарствовав 8 лет, скончался после непродолжительной болезни. Его единственный сын Илия умер малюткой еще при жизни отца. Из братьев царя Феодора Алексеевича в живых в это время находились следующий за ними по старшинству Иоанн и младший брат, сын царя Алексея от второго брака, Петр. Ни один из них не был формально объявлен наследником престола, так как, пока был Феодор, можно было ожидать, что у него родится еще сын, который и будет наследником. Не было также и писаного закона о престолонаследии. По духу ставшего уже древним обычая, неизменно соблюдавшегося в Московском государстве, в силу которого престол наследовал старший сын государя, царем должен был быть теперь Иоанн, остававшийся старшим из сыновей царя Алексея Михайловича, после смерти бездетного царя Феодора. Однако царевич Иоанн был больной, плохо видел и соображал. Он мог только носить царский титул, управляли бы за него другие. Между тем Петр был живой, здоровый и многообещающий двенадцатилетний мальчик. После 2—3 лет опеки над ним он мог сам вступить в управление страной. Эти причины побудили патриарха и высших сановников предложить решить избранием вопрос о наследнике. На площади перед церковью Спаса были собраны “всех чинов люди Московского государства”, т. е. те, кто проживал или временно находился в это время в Москве. Патриарх с архиереями и вельможами вышел на крыльцо и спросил у собравшихся: “Кому быть царем?” Почти единогласный ответ был: “Петру Алексеевичу”. Лишь немногие крикнули: “Иоанну Алексеевичу!” Патриарх вернулся во дворец и благословил на царство царевича Петра. Однако это избрание не внесло полного успокоения. Если прежде всех занимала мысль, кто должен быть царем, теперь многим стало казаться, что сделано что-то не ладно, сделана какая-то несправедливость, какое-то правонарушение. Одни указывали, что неправильным было отдавать престол младшему брату помимо старшего, другие — что был незаконен и самый способ избрания. Этим воспользовались стрельцы, среди которых было брожение ввиду недовольства ими своим начальством. Один из полков даже отказался целовать крест царю Петру, и с трудом удалось уговорить его это сделать. Брожение среди стрельцов, начавшееся при царе Феодоре, продолжалось после воцарения Петра. Оно было направлено против стрелецких полковников, на притеснения которых они жаловались государю.

Недовольные же тем, что царем сделался Петр, а не Иоанн, решили взять стрелецкое движение в свои руки и направить его в выгодную для них сторону. Этими недовольными главным образом были родственники первой жены царя Алексея Михайловича, Милославские, знавшие, что при Петре они не будут пользоваться тем влиянием, какое имели бы в случае воцарения больного Иоанна. Душой этой партии сделалась умная и энергичная дочь Алексея Михайловича от первого брака царевна София, не хотевшая примириться с мыслью, что ей

придется подчиниться мачехе, которая будет правительницей государства — против этого древнего обычая никто не спорил — до совершеннолетия сына. Софии хотелось, чтобы царем был объявлен Иоанн, а она могла бы тогда быть правительницей при больном брате. Мачеха со своими родственниками потеряла бы тогда при дворе первенствующее положение. Для приведения в исполнение этого плана и воспользовались стрельцами. Приверженцы Софии и Милославских начали возбуждать стрельцов против Нарышкиных и других бояр и обещать им всяких милостей от царевны Софии. Но довести стрельцов до открытого мятежа было трудно, и поэтому прибегли к обману. 15 мая, в день убиения святого царевича Димитрия, по стрелецким полкам проскакало двое бояр-заговорщиков с криком, что Нарышкины задушили царевича Иоанна. Эта весть казалась правдоподобной. Раз была допущена несправедливость, царевич Иоанн был лишен принадлежавшего ему по правовоззрению русского народа и обычаю московского царского дома престола, это являлось уже показателем того, что есть люди, которые действуют против него, законного наследника царя Феодора. Не опасаются ли эти люди, что право восторжествует и они получат должное возмездие, и не считают ли они более спокойным для себя совсем отделаться от того, кто является живым напоминанием о совершенном правонарушении? Подобные мысли находили себе подтверждение в распускаемых сторонниками Милославских слухах, что Нарышкины сами хотят завладеть престолом и что один из них, Афанасий, даже примеривал царский венец. Поэтому, когда стрельцы услышали про смерть царевича Иоанна, то со знаменами и пушками двинулись в Кремль выводить царских изменников. Когда они подошли ко дворцу, царица Наталия Кирилловна вышла на крыльцо со Иоанном и Петром Алексеевичами. Увидев это, стрельцы опешили. Подставив лестницу, они спешили убедиться, что это в самом деле царевич Иоанн. “Сам ли это ты, государь-царевич? — спрашивали они его. — Какие изменники тебя изводят?” Услышав из уст царевича, что это он сам, стрельцы заколебались. Еще мгновение — и, окончательно убедившись, что больному царевичу не угрожает никакая опасность, они ушли бы обратно. Но, на несчастье, в дело вдруг вмешался нелюбимый начальник стрельцов князь Михайло Долгорукий. Он начал кричать на стрельцов, как осмелились они нарушить порядок. Только что утихший гнев стрельцов воспламенился опять и обрушился на Долгорукого; несколько человек вдруг бросили нелюбимого начальника на стрелецкие копья, и он был немедленно зарублен. Этим моментом воспользовались и заговорщики: некоторые, выбежав из дворца, кинули на копья стрельцов приближенного царицы Наталии Кирилловны и ее родственника боярина Матвеева. Это было как бы сигналом. Первая кровь как бы одурманила головы стрельцов, и они кинулись разыскивать “царских изменников”, а также своих нелюбимых начальников, крича, что если царубийство еще не совершено, так будет совершено. Особенно разыскивали они брата вдовствующей царицы Ивана Нарышкина, который якобы примерял царский венец. Списки изменников, которых нужно было истребить, были заранее розданы приверженцами Милославских. Минутами совесть и рассудок брали верх у выводителей измены. Они отправлялись к родителям убитых и просили прощения, уверяя, что лукавый попутал. Но безумие вскоре опять овладевало ими, и какое-

нибудь неосторожное слово делало жертвой того, перед кем они только что извинялись. Наконец, все, кого они считали изменниками, были истреблены, и они начали приходить в себя. Чтобы оправдать себя в произведенных убийствах, они подали челобитную, в которой перечислили всех убитых ими с указанием, за что именно был кто убит: за измену или за притеснение стрельцов, просили, чтобы на Красной площади был поставлен столп с именами “преступников” и указанием их вины, а стрельцам были выданы жалованные грамоты и запрещено было их называть бунтовщиками и изменниками. Кроме того, они просили о ссылке некоторых лиц, “причастных к измене”, и о выдаче стрельцам жалованья. Все просьбы разнуздавшихся стрельцов беспрекословно исполнялись растерявшимся правительством. 23 мая во дворец было донесено, что стрельцы хотят, чтобы царями были оба брата, Иоанн и Петр Алексеевичи. Созванный немедленно собор, состоявший из архиереев и выборных всех чинов, находившихся в Москве, решил, что царями должны быть оба брата. 26 мая, по просьбе тех же стрельцов, боярская дума с архиереями решила, что Иоанн должен быть первым царем, а Петр — вторым. Еще через три дня, 29 мая, таким же образом было объявлено, что, по молодости обоих государей, правительство вручается их сестре царевне Софии, которая теперь выдвигалась на первый план, так как вдовствующая царица Наталия Кирилловна приходилась “первому царю” Иоанну только мачехой. Собственно, после воцарения Иоанна Алексеевича стрельцы должны были считать свою задачу — истребление царских недругов и восстановление царского престижа, нарушенного якобы царедворцами, — оконченной. Однако всякие народные волнения и тем более воинские беспорядки редко оканчиваются с достижением первоначальной цели. Особенно это должно было случиться здесь, где обманом использовали и без того уже беспокойную стрелецкую массу и где сразу к высоким государственным мотивам присоединилось и чувство личной обиды на свое начальство. Восстановив древний обычай, по которому царский престол переходил по порядку первородства, стрельцы возомнили себя вообще призванными восстановить нарушенные, как им казалось, предания старины. Среди стрельцов многие не сочувствовали никоновским реформам и с большим уважением относились к противникам патриарха Никона. Опьяненные успехом в государственных делах, они хотели восстановить и “истинное благочестие”. Через месяц после описанных событий вожди раскола имели прение с патриархом в Грановитой палате в присутствии царской семьи. Не могли переспорить православных, они все же с криками “Победихом!” вышли оттуда и думали торжествовать победу. Но на их стороне не было всеобщего сочувствия и в стрелецких полках, а царевна София, олицетворявшая теперь законную царскую власть, вела себя решительно. Главные зачинщики этого спора были схвачены. Пыл раскольников охладел, но в делах государственных стрельцы еще продолжали оказывать некоторое влияние. Однако теперь у них уже не было возможности утверждать, что они охраняют царский престол от посягательств на него лиц, не имеющих на него права. Их поведение становилось теперь обычным самовольством. Это чувствовали и они, и правительство, сознавшее, что теперь стрельцы не имеют никакой опоры. Через несколько времени царская семья выехала из Москвы в подмосковные дворцы и монастыри. К Москве двигались

ополчения, созданные правительством с той же целью, во имя которой 15 мая стрельцы двинулись ко дворцу для того, чтобы защитить царский престол и царскую семью от окружавших их недругов. Но на этот раз недругами были сами стрельцы. С ними заговорили решительно, по повелению царевны Софии был схвачен их начальник Хованский и казнен. Стрельцы, чувствовавшие теперь свое бессилие и неправоту, просили у царской семьи прощения и о снятии поставленного на Красной площади столпа. Столп был снесен, а правительство снова взяло власть в свои руки. Управляла государством царевна София. Петр подрастал для будущей деятельности, живя с матерью в селе Преображенском, а царь Иоанн не мог по болезни заниматься государственными делами. Однако ни один указ не издавался без упоминания имен обоих царей, ибо они были источниками власти, хотя бы и временно находившейся в других руках. Царевна София знала, что, как только Петр подрастет, он возьмет бразды правления в свои руки и будет осуществлять власть, принадлежавшую ему и брату. Она знала также, что теперь нет возможности помешать воцарению Петра, ибо и права старшего брата Иоанна оставались незатронутыми — Петр был бы его соправителем, подобно тому, как и при последних до принятия царского титула великих князьях наследник носил иногда титул, равный титулу государя. Теперь не было возможности указывать на отнятие царского венца у того, кто должен им обладать. Не имея возможности удержать в своих руках кормило власти законным путем, София хотела добиться этого другим способом. Задуман был заговор на жизнь Петра, а от приближенных ее была приготовлена грамота, в которой София упрашивалась венчаться на царство. Но заговор был вовремя раскрыт, главные участники его казнены, а вдохновительница его, царевна София, отправлена в монастырь, где впоследствии пострижена в монахини. Ввиду болезни царя Иоанна Алексеевича страной начал управлять царь Петр Алексеевич, дав своему старшему царю-брату обещание почитать его яко отца. 29 января 1696 года царь Иоанн Алексеевич скончался, оставив трех дочерей; царь Петр стал единственным государем и самодержцем всероссийским. Наследником его был его единственный сын от первого брака, царевич Алексей. Первое время Петр, занятый преобразованиями и другими государственными делами, не мог много времени уделить сыну, и царевич вырастал под влиянием матери — царицы Евдокии из рода бояр Стрешневых и других приверженцев старины. В 1699 году царица Евдокия Феодоровна была насильно пострижена по распоряжению царя. Царевич Алексей Петрович остался на попечении своей тетки, царевны Наталии Алексеевны, и ряда русских и иностранных воспитателей. Общее руководство его воспитанием взял на себя сам Петр, но благодаря постоянным отлучкам он не мог оказывать на сына сильного влияния. Царевич Алексей по природе и характеру представлял полную противоположность царю Петру. К преобразованиям и деятельности отца он относился с большим несочувствием, и приверженцы старины с надеждой смотрели на молодого наследника. Петр всячески старался приохотить сына к “заморским наукам” и военному делу и сначала старался воздействовать на него своими убеждениями, но царевич оставался верен своему характеру. В 1711 году, по желанию царя, царевич Алексей женился на Брауншвейг-Бланкенбургской принцессе Софии-Шарлотте. Принятие ею православия не было поставлено в

условие, хотя царевич и выражал надежду, что она, приехав в Москву, пленившись величием и простотой богослужения Православной Церкви, сама пожелает обратиться к истинной вере. Однако кронпринцесса не сделала никаких шагов, чтобы сблизиться с народом, царицей которого собиралась быть. Она оставалась такой же немкой, как и прежде, и весь двор ее составляли иностранцы. Царевич удалялся от принцессы, что еще более подчеркивало его отрицательное отношение ко всем начинаниям отца. Все поручения, которые возлагал на него царь, царевич исполнял с крайней неохотой. Петр начал угрожать сыну лишением наследства, думая этим заставить его изменить свое поведение. Однако царевич продолжал себя вести по-прежнему, тем более что знал о несочувствии большинства реформам Петра. В 1714 году у царевича Алексея родилась дочь Наталия, а в 1715 году сын — Петр, после рождения которого кронпринцесса умерла. Царь Петр был в это время женат (с 1711 года) вторым браком на лифляндской выходке, при переходе в православие получившей имя Екатерины Алексеевны. От нее у него были две дочери, получившие титулы цесаревен со времени брака их родителей, Анна и Елисавета Петровны; в 1715 году, вскоре после смерти принцессы, у них родился сын, тоже Петр. Царь стал требовательнее к своему старшему сыну. Отношения между ними натянулись до крайности, и, наконец, опасаясь отцовского гнева, царевич бежал за границу и отдался под покровительство австрийского императора. Царь Петр узнал местонахождение сына и потребовал его возвращения. Царевич после долгих колебаний согласился, поставив условием, чтобы ему разрешили жить в его деревнях и жениться на девке Евфросинии, которая везде сопровождала его и с которой он был неразлучен. Это ему было обещано. Прибыв в Москву, царевич, бросившись в ноги отцу, просил простить его и даровать жизнь, отказываясь от наследства. Царь ответил: “Прощаю, но наследства лишаю”, — и подписал манифест, которым объявлял, что царевич Алексей, ввиду неохоты к гражданским и военным делам и предосудительного поведения, лишается прав на престол. Наследником объявлялся сын царя от 2-го брака, цесаревич Петр Петрович. Царевич Алексей дал клятвенное обещание не искать престола и признавать наследником брата. От царевича царь потребовал указать его сообщников, посоветовавших ему бежать на запад к цесарю. Началось следствие. Сначала обвиняемыми являлись советчики и соучастники царевича Алексея, но когда явилось подозрение, что царевич открыл не все, его тоже посадили в крепость и пытали. Не желая принимать единолично решение о судьбе царевича, царь обратился к высшим духовным и светским лицам и, изложив вину царевича, а также свою ответственность перед Отечеством, просил указания. Духовенство, сделав выписки из Священного Писания об обязанностях детей к родителям, представило царю применить к царевичу те наказания, о которых говорит Ветхий Завет, или же последовать примерам милосердия, имея за образец Самого Христа. Светские вельможи вынесли царевичу смертный приговор. Через два дня, 26 июня 1717 года, царевич Алексей Петрович после пытки скончался и был погребен в Петропавловском соборе. Еще при жизни его по всей России были разосланы присяжные листы для приведения к присяге новому наследнику. Не везде, однако, приведение к присяге проходило гладко. Сторонники старых порядков не хотели признать лишенным наследства царевича Алексея. Так, 2

марта, в Соборное воскресенье, к царю в церкви подошел человек, оказавшийся подьячим Докукиным, и подал бумагу. Это был присяжный лист на верность новому наследнику со следующей надписью: “За неповинное отлучение и изгнание от всероссийского престола царского Богом хранимого государя царевича Алексея Петровича христианскою совестью и судом Божиим, и Пресвятым Евангелием не клянусь и на том животворящего креста Христова не целую, и собственною рукою не подписуюсь, ... хотя за то и царский гнев нами произметя, буди в том воля Господа Бога моего Иисуса Христа, по воле Его святой, за истину аз раб Христов Иларион Докукин страдати готов. Аминь. Аминь. Аминь”. Докукин, конечно, был казнен, но Петр отлично понимал, что он является лишь более смелым выразителем убеждения многих. В 1719 году скончался и новый наследник, царевич Петр Петрович. Все стали смотреть как на законного наследника на сына покойного царевича Алексея, великого князя Петра Алексеевича. Однако царь Петр опасался, что внук его будет характером похож на отца или что из преданности памяти своего несчастного родителя по воцарении своем отменит преобразования своего деда. Петр Великий решил предотвратить возможность этого. Права его внука, царевича Петра Алексеевича, на российский престол основывались на неписаном законе, ведущем от основания Московского великого княжества свое начало обычае, по которому престол переходил в порядке первородства. Этот обычай был не только освящен преданием старины, но сделался основным принципом государственного правоззрения всех чинов и людей Московского государства. Царь Петр лучше, чем кто другой, помнил, какими беспорядками и потрясениями сопровождалось его собственное вступление на престол ввиду попытки обойти этот принцип, лишив царского венца не могущего по болезни управлять страной его старшего брата Иоанна. Однако царь Петр не останавливался ни перед чем, что казалось ему необходимым. Великому Петру не дорога была сама жизнь, “жила бы только Россия во славе и благоденствии”, но, к сожалению, ему, проведшему детство в бурную эпоху и не получившему правильного образования и воспитания, не дороги были предания и устои его Отечества. В 1722 году он объявил новый порядок престолонаследия. “Понеже всем ведомо есть, какую авессаломскою злостью надмен был сын наш Алексей, и что не раскаяние его оное намерение, но милостию Божиею всему нашему Отчеству пресекалось, а сие не для чего иного и взросло, токмо от обычая старого, что большему сыну наследство давали, к тому же один он тогда мужеско пола нашей фамилии был, и для того ни на какое отеческое наказание смотреть не хотел. Сей недобрый обычай, не знаю чего для, так был затвержден, ибо не токмо в людях по рассуждению умных родителей бывали отмены, но и в Св. Писании видим, еще же и в наших предках оно видим (пример Ивана III). В таком же рассуждении в прошлом 1714 году, милосердя мы о наших подданных, чтоб партикулярные их дома не приходили от недостойных наследников в разорение, хотя и учинили мы устав, чтоб недвижимое имение отдавать одному сыну, однакож, отдали то на волю родительскую, которому сыну похотят отдать, усмотря достойного, хотя и меньшому мимо больших, признавая удобного, который бы не расточил наследства. Кольми же паче должны мы иметь попечение о целости всего нашего государства, которое с помощью Божиею ныне паче

распространено, как всем видимо есть; для чего благорассудили сей устав учинить, дабы сие было всегда в воле правительствующего государя, кому оный хочет, тому и определит наследство, и определенному, видя какое непотребство, паки отменить, дабы дети и потомки не впали в такую злость, как писано, имея сию узду на себе. Того ради повелеваем, дабы все наши верные подданные, духовные и мирские без изъятия, сей наш устав пред Богом и Его Евангелием утвердили на таком основании, что всяк, что сему будет противен или инако како толковать станет, то за изменника почтен, смертной казни и церковной клятве подлежать будет. Петр”. Указ этот вызвал большое смущение в народе, так как затрагивал самое сердце русской государственности — царскую власть. И без того часто не понимавший реформ Петра народ в отмене порядка, в силу которого наследник престола определялся самим рождением, независимо от человеческой воли, увидел покушение на вековые устои Русского царства. Волнение усиливалось еще тем, что как вторая супруга царя, так и его покойная невестка, супруга царевича Алексея, были иностранками; поэтому распространялись слухи, что преемником царя будет инославный король, и создавалась благоприятная почва для распространявшихся раскольниками рассказов, что царь Петр подменен за границей, что теперь царствует антихрист, и других самых фантастических слухов о царской семье. В некоторых местах к присяге на верность новому закону пришлось приводить насильно, а в Таре (Сибирь) несколько человек, не желая присягнуть, взорвали себя на воздух. Царь счел себя вынужденным считаться с подобным настроением своих подданных и, чтобы объяснить и оправдать издание этого закона, поручил составителю знаменитого Духовного Регламента архиепископу Феофану Прокоповичу написать соответствующее сочинение. Феофан Прокопович написал трактат “Правда воли монаршей”, вошедший впоследствии в полное собрание законов. В этом сочинении Феофан Прокопович подробно развивает теорию монархического абсолютизма, пользуясь господствовавшим тогда учением о естественном праве. Он излагает мысли Гуго Гречия, Пуффендорфа и других о первоначальном договоре, в силу которого подданные отреклись от своей воли в пользу монарха, и на этом основании заключает, что монарх может повелеть, что считает необходимым, а подданным остается лишь повиноваться.

Однако, как, по-видимому, ни высоко ставится в “Правде воли монаршей” власть монарха, она, в сущности, подвергалась в глазах русского народа безмерному унижению. Русские издревле смотрели на своих государей не как на поставленных человеческим хотением, а как на получивших власть от Самого Промыслителя Бога, и в идеале русский царь являлся всегда проводником воли Божией и олицетворением Его Правды. Обоснование же власти государя на рассуждениях было вредно и опасно уже потому, что с падением теории, на которой эти рассуждения основаны, оказывается лишенным смысла и оправдание, и самое существование царской власти. Правда, и в настоящем трактате Феофан Прокопович говорил, что воля народная, передавшая свою власть монарху, есть в то же время и проявление воли Божией, ибо народное согласие всегда и везде есть следствие премудро действующего смотрения Божия, но по русским понятиям царская власть была непосредственно Божественным установлением, и когда Русь

оставалась без царя, никогда не поднимался вопрос о самой форме правления.

Что же касается того, кто должен был быть царем, то хотя народ иногда и принимал участие в выборе царя, но только тогда царь мог удержаться на престоле, если был соблюден принцип законности, т. е. избранное лицо являлось ближайшим наследником своего предшественника. Законный государь был основа государственного благополучия и потребность русского народного духа. Поэтому все принесенные со временем ученые доказательства о необходимости монаршей власти и ее правах являлись излишними и чуждыми русскому народу. В особенности это нужно сказать о таких теориях, где сама предпосылка, как, например, в данном случае предварительный уговор, являлась фикцией и в действительности не существовала. Поэтому и “Правда воли монаршей” осталась лишь литературным памятником, не имевшим никаких реальных последствий. Указ же о престолонаследии, как изданный государем закон, определил собою дальнейшую судьбу русского престола. Однако указ этот в самом себе носил внутреннее противоречие. Упомянув о том, что бывали исключения из права первородства, он этим свидетельствовал, что общим правилом было “большому сыну наследство давать”, упомянутые же случаи отмены настоящего правила несколько не соответствовали теперешнему, ибо то, что говорится в Священном Писании, было делом Божьего Домостроительства и каждый раз делалось по особому Божьему внушению и указанию, а великий князь Димитрий Иоаннович был лишен престола в силу исключительных обстоятельств, о которых уже писалось, и тогда Иоанн III всячески старался оберечь самый порядок престолонаследия по первородству. Отмена этого порядка Указом о престолонаследии 1722 года дала самые печальные результаты, воочию убедившие всех, что указ достиг как раз обратного тому, что хотелось законодателю.

Сам Петр Великий скончался, не успев назначить себе преемника. Высшие чины государства собрались во дворце умиравшего царя для того, чтобы решить, кто должен наследовать царю Петру. Естественным преемником его был царевич Петр Алексеевич, сын царевича Алексея Петровича, так как все сыновья императора Петра умерли при его жизни, а царевич Петр Алексеевич являлся в этот момент единственным мужским представителем царского рода. Однако многие вельможи, возвысившиеся в оканчивавшееся царствование, боялись воцарения этого царевича, на которого, как на законного наследника, смотрели все до издания Указа 1722 года. Боялись по той причине, по которой и царь Петр опасался сразу провозгласить его своим наследником. Они опасались, что малолетний царевич Петр, выросши, окажется более приверженцем взглядов своего отца, чем своего деда; к тому же у них не было уверенности, что при нем они сохранят то положение и влияние, каким пользовались у умиравшего царя. Поэтому у них явилась мысль провозгласить преемницей императора Петра Великого его супругу, Екатерину Алексеевну, во всем разделявшую взгляды своего мужа. Желание царя видеть свою супругу своей преемницей они усматривали в том, что в 1724 году император Петр торжественно короновал ее, что являлось, по их мнению, актом волеизъявления царя передать свою власть императрице. Так как, однако, воля царя не была ясно выражена, то вельможи разделились на сторонников великого князя Петра Алексеевича и императрицы Екатерины

Алексеевны. Таким образом, вопрос о престолонаследии перешел в руки тех, кто никем не был уполномочен на его разрешение. Сторонники воцарения Екатерины, большею частью представители “новой знати”, привели к окнам дворца, где обсуждался вопрос о преемнике царя, гвардейские войска и этим без труда добились желаемого ими решения. Это явилось прецедентом к тому, что царский престол сделался игрушкой в руках вельможи гвардейских частей. Они распоряжались им по своему усмотрению, не считаясь ни с волей умершего и даже царствовавшего монарха, ни с историческими преданиями. Благодаря этому они и при царствовании поставленного ими монарха пользовались громадной властью и влиянием, и даже заслоняли собою личность монарха, принужденного опираться на отдельные поддерживающие его партии или лица. Эта эпоха является одною из самых мрачных страниц истории русского престола и носит название “эпохи временщиков”, или “эпохи дворцовых переворотов”. Так, после смерти Петра 1, 28 января 1725 года, вступила на престол императрица Екатерина Алексеевна, провозглашенная самодержицей в одной из дворцовых зал собранными там сановниками и офицерами немедленно, как только испустил последний вздох император Петр Великий. Она старалась, чтобы ее царствование было продолжением царствования ее супруга. Главным вельможей при ней был Меншиков, пользовавшийся неограниченной властью и доверием и успевший добиться перед последовавшею в 1727 году смертью императрицы, чтобы она в оставленном ею завещании выразила желание, чтобы малолетний Петр Алексеевич, которому завещала свой престол императрица Екатерина, пришедши в возраст, женился на одной из дочерей этого вельможи. Назначение великого князя Петра Алексеевича наследником престола вызывалось самою необходимостью, так как во всей России на него смотрели как на законного наследника и государя и попытка устранить его от престола могла создать серьезные беспорядки и даже невозможность другому лицу удержаться на престоле. Еще при жизни Екатерины Меншикова сравнивали с Годуновым, и ему легко было понять, что выгоднее постараться упрочить свое положение при Петре II, чем действовать против него. Завещав престол великому князю Петру Алексеевичу, Екатерина в этом завещании определила порядок престолонаследия в случае, “ежели великий князь без наследников преставится”. В таком случае престол должна была наследовать старшая дочь царя Петра Великого, цесаревна Анна Петровна со своими потомками, затем вторая дочь его, цесаревна Елисавета Петровна со своими потомками, а после них дочь царевича Алексея Петровича, великая княжна Наталия Алексеевна со своими потомками. При переходе престола должны были быть соблюдаемы следующие условия: 1) наследники мужского пола должны были быть предпочитаемы лицам женского пола и 2) на российский престол не могло вступить лицо неправославное и уже занимающее другой престол. Таким образом, завещание Екатерины представляло собою возвращение к искони сложившемуся в Московской Руси порядку престолонаследия. Единственным исключением из строгого соблюдения первородства здесь было только то, что дочь царевича Алексея Петровича, великая княжна Наталия, была поставлена после своих теток, царевен Анны и Елисаветы, дочерей Петра 1, и писавшей завещание императрицы Екатерины. Однако в этом завещании было довольно много неясного. Неясно

было, кто должен вступить на престол, если Анна умрет прежде Петра II, — царевна ли Елисавета или потомство Анны. Непонятно было, отменялось ли право царствующего государя назначить себе преемника или завещанием устанавливался порядок, который должен был соблюдаться в случае, если государь будет умирать без завещания. По-видимому, Екатерина I хотела опять поставить престолонаследие в России на твердую почву, но так как она не отменила указа 1722 года, а сделала это в форме завещания, то все осталось по-прежнему. Петр II процарствовал только два года, успев отделаться, однако, от князя Меншикова, сослав его вместе со своею нареченною невестою в Сибирь. Обручившись с княжною Долгорукой, он вскоре затем скончался от оспы, не достигнув 15 лет от роду. Еще при его жизни скончались его сестра Наталия Алексеевна и царевна Анна Петровна, у которой незадолго до смерти от брака с герцогом Гольштинским родился сын, тоже Петр. Так как царь Петр II не оставил никаких распоряжений, то члены Верховного Тайного совета, который управлял страной ввиду его малолетства, собрались для решения вопроса о его преемнике. Совет не стал считаться с последней волей императрицы Екатерины. Главные стремления его членов были направлены к тому, чтоб удержать за собой власть. Поэтому, оставив в стороне царевну Елисавету Петровну и маленького сына Анны Петровны, Совет решил, за прекращением мужской линии царя Петра I, передать престол в линию царя Иоанна Алексеевича и, находя неудобным воцарение замужней старшей его дочери Екатерины Ивановны, избрал императрицей следующую за ней по старшинству Анну Иоанновну, вдову герцога Курляндского. Немедленно вслед за этим Верховный Тайный совет выработал пункты, ограничивающие власть императрицы верховным советом. Члены совета полагали, что не ожидавшая русского трона Анна Иоанновна скорее согласится разделить свою власть с ними, чем совсем отказаться от нее. Анна Иоанновна действительно сначала приняла и подписала условия. Однако попытка ограничить царскую власть была встречена в России с большим негодованием. В церквях стали поминать Анну Иоанновну императрицей и самодержицей, и члены Верховного совета принуждены были признать за ней полный титул русских государей. Вслед за этим, немедленно по прибытии Анны Иоанновны в Москву, к ней явилась многочисленная депутация дворянства и просила отменить ограничение самодержавной власти. В присутствии Верховного совета царица разорвала подписанные ею пункты. После этого Верховный совет был уничтожен, а члены его поплатились казнями и ссылками за свою попытку уничтожить в России самодержавие. Хотя престол в это время значительно зависел от приближенных к нему, но русский народ, не вмешиваясь в вопрос престолонаследия, так как в этот момент ни одно из лиц царской семьи не имело исключительных прав на престол, желал повиноваться только царственному носителю верховной власти и никому больше. Анна Иоанновна вместо оставленных вельмож взяла новых советчиков. Главным лицом при ней вскоре сделался курляндец Бирон, благодаря покровительству Анны Иоанновны из простых конюхов возвысившийся до герцога. Пользуясь большим влиянием и доверием у императрицы, он сделался фактическим правителем государства. Он всячески стремился упрочить свое положение, и головой платился тот, кто ему стоял на пути. Он возвышал немцев, а русские и все русское

подвергалось гонению. Опасаясь заговора, Бирон ввел страшный шпионаж, и множество невинных пострадало по ложному доносу. Однако, несмотря на страшное народное и национальное унижение, нигде не было стремления к перемене правления, так как носительницей верховной власти все же была дочь русского царя — и сама православная, и русская по духу Анна Иоанновна. Только иногда появлялись самозванцы, выдававшие себя за законных царей Алексея или Петра Петровичей; народ их с радостью встречал, но обыкновенно обман вскоре обнаруживался. Императрица Анна Иоанновна объявила, что после смерти ее престол должен перейти в мужское потомство племянницы ее, дочери ее старшей сестры Екатерины Ивановны и герцога Мекленбургского, при принятии православия нареченной Анной Леопольдовной. Бирон пытался женить на ней своего сына, но принцесса, чтобы избежать этого брака, согласилась выйти замуж за Брауншвейг-Бевернского принца Антона Ульриха. В 1740 году у них родился первый сын Иоанн, а вскоре затем предсмертною болезнью заболела императрица. Вельможи, преданные Бирону или просто желавшие ему угодить, подали императрице прошение о назначении Бирона регентом на время малолетства Иоанна, объявленного наследником. Императрица сначала колебалась, но перед смертью подписала это назначение. После смерти ее было прочитано духовное завещание, и маленький Иван Антонович сделался императором, а герцог Бирон — регентом. С первых же дней своего регентства Бирон стал преследовать всех недовольных его назначением в правители государства.

Преследованию подверглись даже родители императора, причем принц Антон Ульрих был посажен под домашний арест. При таком унижении принцесса Анна Леопольдовна обратилась к фельдмаршалу Миниху, который с помощью несших во дворце караул офицеров арестовал Бирона. Правительницей была объявлена Анна Леопольдовна. Приближенными при ней были почти исключительно немцы. Можно было думать, что воцарилась немецкая династия и немецкое правительство смотрит на Россию как на немецкие владения. Поэтому взоры русских людей все чаще останавливались на русской царевне, дочери Петра Великого Елисавете. Правительница и ее супруг заметили, какую любовью пользуется цесаревна, и ей стало угрожать заточение, так как все громче раздавались голоса, что право на престол имеет царевна Елисавета Петровна, а не немецкая династия. Тогда в ночь на 25 ноября 1741 года Елисавета явилась в казармы Преображенского полка и обратилась к гвардейцам со словами: “Знаете ли, чья дочь я? Меня хотят выдать насильно замуж или постричь в монастырь! Хотите ли идти за мною?” “Готовы, матушка!” — был ответ. Елисавета потребовала клятвы не проливать напрасно крови, после чего при помощи своих приверженцев арестовала правительницу с семьей и ее главных сотрудников. Вступление на престол Елисаветы Петровны было встречено общим восторгом. Сановников, не избравших в свое время Елисавету на престол, судили, но казнь всем была заменена ссылкой. Сослана была и брауншвейгская фамилия. Елисавета вызвала из Гольштинии своего племянника, сына цесаревны Анны Петровны. Присоединенный к православию, он был наречен великим князем Петром Феодоровичем и объявлен наследником престола. В невесты ему была избрана Ангальтцербтская принцесса София-Августа, которая, по принятии православия с именем Екатерины Алексеевны, и была с ним

обвенчана. От этого брака в 1754 году родился сын Павел.

Сама царица Елисавета Петровна тайно обвенчалась с малороссийским казаком Алексеем Григорьевичем Разумовским. К великому огорчению императрицы и всех русских, однако, оказалось, что наследник Петр Феодорович остается таким же немцем в душе, каким был. Даже совершенная немка по происхождению, его супруга быстрее приблизилась к своему новому Отечеству и народу. В связи с недовольством на несоответственное поведение наследника возникла мысль выслать Петра Феодоровича из России, назначив наследником его сына Павла и поручив опеку над ним его матери. Однако и тут опасались осложнений, ввиду того что в России уже привыкли смотреть на Петра Феодоровича как на законного наследника престола. Так как в 1761 году скончалась царица Елисавета Петровна, Петр III Феодорович вступил на “престол, ему как существу наследнику по правам, преимуществам и узаконением принадлежащий”, как об этом возвещалось в манифесте. Все присягнули ему и по нем “по высочайшей его воле избираемым и определяемым наследникам”. Сделавшись императором, Петр III продолжал вести образ жизни, совершенно не соответствующий монарху. Однако что оскорбляло русских людей — это полное презрение ко всему русскому и предпочтение всего немецкого. Прусского короля, только что побежденного русскими войсками, Петр III слушал, словно был его вассалом. К православной вере он проявлял полное пренебрежение, и в душе, и в своих поступках оставаясь настоящим лютеранином. Супруга его, Екатерина Алексеевна, наоборот, сделалась совершенно православною и русскою по духу. Петр III не скрывал своего намерения развестись с ней и жениться на одной из придворных, графине Воронцовой. Екатерина решила взять в свои руки бразды правления. 28 июня 1762 года она прибыла в Петербург и была провозглашена самодержицей, а цесаревич Павел — наследником. В манифесте о ее воцарении говорилось, что императрица принимает на себя власть ввиду угрожающей Российскому государству опасности перемены православной веры на иноверную, а также начавшегося порабощения России только что побежденным врагом и полного расстройтва внутреннего управления. Правительственные учреждения, войска и народ с радостью приветствовали царицу, так как в самом деле видели в ее воцарении избавление от большой опасности. Некоторые лишь пытались помешать перевороту и остались верными Петру. Увидев, что большинство перешло на сторону его супруги, Петр III отрекся от престола и через несколько дней скончался насильственной смертью. Воцарение Екатерины приветствовалось громадным большинством населения как спасение государства от гибели.

Однако, как ни привыкла Россия к дворцовым переворотам в несчастный XVIII век — век действия указа 1722 года, — в народе не угасло чувство необходимости законного царя. Вельможи и гвардия привыкли распорядиться троном по своей воле. Право сановников избирать государя даже отчасти было подтверждено Анной Иоанновной. В ее завещании говорилось, что в случае смерти Иоанна Антоновича и его братьев без законных наследников или если наследство будет ненадежно, регент Бирон с кабинет-министрами, Сенатом, генерал-фельдмаршалами и прочим генералитетом должны благовременно избрать и утвердить преемника, и постановление это должно иметь такую же силу, как бы

исходило от самой государыни. Но несмотря на это, все-таки в народе жило чувство, что царь должен иметь право на престол. Поэтому и при воцарении Анны Иоанновны, Елисаветы Петровны и Екатерины II в манифесте объявлялись те права, которые имела вступавшая на престол царица. Елисавета, вступив на престол, не только подробно разъяснила, что ее действия вполне согласны с последней волей ее матери, императрицы Екатерины Первой, но и отдала под суд лиц, виновных в неисполнении ее завещания. Впрочем, не могло быть скрыто в манифестах и то, что перевороты делались не только в силу законных обстоятельств, но и по прошению всех верноподданных, а наипаче — лейб-гвардии полков.

Россия принимала обыкновенно то, что было принято столицей, так как предполагалось, что там все виднее, и потому что привыкла подчиняться распоряжениям, оттуда исходящим. Но если возникало сомнение в том, что совершившееся там есть дело правое и законное, то это встречало глухое сопротивление в русском народе, проявлявшееся иногда весьма своеобразно. Так, насчет Петра III распространилась весть, что он жив и вернется на царство. Не знавший Петра III народ, живший в отдаленных от столицы местах, верил тому, что Петр III низвержен за свое благочестие, и местами на него стали смотреть как на мученика за правду. Его именем воспользовались раскольники, объявившие, что среди них находится царь, который, победив своих врагов, восстановит древнее благочестие. При таком настроении легко понять появление самозванцев, выдававших себя за царя Петра Федоровича. Среди них особенно известностью пользуется казак Емельян Пугачев, действовавший по примеру Лжедмитрия II — Тушинского вора. Опираясь на низшие слои, которым он обещал разные льготы в качестве законного императора Петра Федоровича, Пугачев успел завладеть всем Поволжьем. Екатерине II стоило больших усилий подавить этот мятеж, так как, кроме личных интересов, многие действительно руководствовались нежеланием отказывать в повиновении тому, кого они ошибочно считали законным русским государем. Имя законного русского царя производило обаяние не только в России, но и среди других православных народов, видевших в нем своего защитника и покровителя. В 1768 году в Черногории появился самозванец, объявивший себя низложенным царем Петром III. Ошибочно принимая самозванца за законного благоверного защитника святой веры, пострадавшего от злобы врагов, черногорцы признали его власть над собой, и никакие уговоры Екатерины, посылавшей для сего особое посольство, не могли заставить черногорцев изменить Стефану Малому, под каким именем управлял ими самозванец, пока в 1774 году он не был изменнически убит своим слугой.

Несмотря на все эти замешательства, Екатерине II удалось сделать свое царствование одною из самых блестящих эпох, совершить ряд преобразований и значительно распространить владения своего государства. Она мечтала уже о восстановлении византийской империи, причем предполагала предоставить византийский престол своему второму внуку, великому князю Константину Павловичу, в то время как старший сын цесаревича Павла Александр должен был наследовать русский престол. Цесаревич Павел Петрович, проведенный свое детство при дворе императрицы Елисаветы Петровны, причем мать не могла оказывать

непосредственного влияния на него, во многом различался по своему характеру и убеждениям с императрицей Екатериной. Поэтому Екатерина II предполагала устранить сына от наследства и сделать наследником старшего внука, Александра Павловича. Опасаясь, однако, осложнений, так как Павлу как наследнику присягала уже вся Россия, решение вопроса все откладывали, причем Екатерина старательно изучала вопрос о престолонаследии в России со времени указа 1722 года. В конце 1796 года Екатерина II окончательно решила назначить наследником Александра, минуя Павла, но неожиданно скоропостижно скончалась. На престол вступил наследник — цесаревич Павел Петрович, первым и главным делом которого было восстановить твердый порядок престолонаследия в России. Павел I ясно видел, сколько зла принесло России наследование не по определенному порядку, а по личному избранию. Он ясно понимал, что для благосостояния государства и избежания смут необходимо, “дабы государство не было без наследника; дабы наследник был назначен всегда законом самим; дабы не было ни малейшего сомнения, кому наследовать; дабы сохранить право родов в наследовании, не нарушая права естественного, и избежать затруднений при переходе из рода в род”. Эти положения он сам высказал в акте о порядке наследования престола.

Для этого нужно было, чтобы прекратил действие Указ 1722 года и наши государи, оставаясь вполне самодержавными, в то же время добровольно передавали свой престол тому, кто является естественным наследником по установившемуся в Русском царстве обычаю. Павел I сам, не ограничивая своей самодержавной власти, в день священного коронования, положив составленный им акт на жертвенник Успенского собора, этим перед Богом обещал не изменять того порядка, который им признавался справедливым и необходимым. Наши великие князья — собиратели Руси, не будучи ограничены никаким писанным законом и не будучи связаны обычаем, добровольно каждый раз передавали престол “сыновьям своим первым”. Это сделалось как бы их заветом. Теперь, давая согласно уставу Павла I присягу на верность закону о престолонаследии, восходящий на престол государь, оставаясь независимым и не ограниченным со стороны какой бы то ни было человеческой власти, перед Самим Богом, давшим ему царскую власть, обязуется не изменять завещанного строителями Русской земли порядка. Что же касается самого порядка наследования престола, то акт Павла I по форме изложения близко подходит к завещанию императрицы Екатерины I, а по существу представляет последовательное проведение принципа наследования престола по первородству — того принципа, который твердо соблюдался с Иоанна Калиты до Петра Великого. Тогда только это не было формулировано или регламентировано каким-нибудь писанным законом и существовало по обычаю. Теперь, издавая указ о возвращении к исконным началам русского государственного права, Павел I не мог ограничиться указанием на возвращение к порядку, действовавшему до 1722 года, ибо всякая норма, издаваемая письменно, должна быть точно формулирована. Так было всегда во всех отраслях права при переходе обычного права в писанный закон. Поэтому на Павле I лежала задача ясно указать, в каком порядке должно происходить наследование престола. Павел I, исполняя эту задачу, дал указания, в каком порядке престол переходит среди его потомков, и этот акт сделался примерною

таблицею для закона о русском престолонаследии. В нем ясно выражены исконные русские начала, и если некоторые находят в нем сходство с кое-какими немецкими законами, то, во-первых, нет ничего удивительного, если и в других странах порядок престолонаследия был такой же, как в России, а во-вторых, для ясности Павел мог употребить уже готовые формулы, хотя и здесь нужно опять напомнить, что еще завещание Екатерины 1 было составлено приблизительно так же, как и акт Павла. Акт, обнародованный императором Павлом в день священного коронования 5 апреля 1797 года, был составлен им еще в 1788 году, перед отправлением в поход, и подписан был им и его супругою Мариєю Феодоровною. В нем наследником престола “по праву естественному объявляется старший их сын Александр, а по нем все его мужское поколение. По пресечении сего мужского поколения наследство переходит в род второго сына, где наследование происходит тем же порядком, а после этого в мужские поколения остальных сыновей Павла, сколько бы их ни было, что и есть первородство. При пресечении последнего мужского поколения сыновей наследство остается, — как говорится в акте, — в женском поколении последнего царствовавшего как в ближайшем престолу, дабы избежать затруднений при переходе от рода в род, в котором следовать тому же порядку, предпочитая мужское лицо женскому; однако здесь приметить надлежит единожды навсегда, что не теряет никогда права то женское лицо, от которого право непосредственно пришло”. Здесь Павел предусматривает случай прекращения мужской линии царского дома и разрешает его вполне в духе русского права. Вспомнить нужно только историю наследства Ярославского княжества после смерти св. князя Василия (см. выше), а также что Иоанн II устранив от княжения тверскую княжескую линию, но не желая сразу присоединить Тверь к Москве, сначала князем туда назначил сына сестры последнего князя Тверского, своего первенца Иоанна Молодого, и лишь таким образом соединил Московское и Тверское княжества. Таким же образом определяла порядок престолонаследия и Екатерина 1 в своем завещании. По пресечении рода последнецарствовавшего мужского поколения императора Павла — как в мужских, так и в женских линиях, — престол должен был перейти опять в род его старшего сына, в женское его поколение, в котором наследовала опять-таки ближайшая родственница последнецарствовавшего государя из этого рода. По пресечении рода старшего сына императора Павла — как в мужских, так и в женских линиях, — престол переходит к женским поколениям остальных его сыновей по их старшинству, и по тому же правилу, причем среди лиц, одинаково близко стоящих к наследству, мужское лицо всегда предпочитается женскому. По прекращении всего потомства сыновей Павла престол переходит в мужское поколение старшей дочери государя, затем в ее женское поколение, после чего наследуют потомки остальных его дочерей, соблюдая вышеуказанные правила и порядок старшинства линий. Только полное прекращение всего потомства царя-родоначальника не было предусмотрено, и тогда, в случае отсутствия распоряжений последнего государя, создалось бы положение, подобное тому, как было при кончине царя Феодора Иоанновича. При этом нужно напомнить, что под потомством русского царя, способным к занятию престола, подразумеваются лишь те лица, которые или исповедуют православную веру, или примут

православие, как только дойдет до них очередь вступления на престол, причем в последнем случае одновременно должен принять православие и прямой наследник лица, вступающего на престол. Лицо, не пожелавшее принять православие, к числу потомков царя, имеющих право на занятие престола, не принадлежит, так как русские князья, и в особенности цари, являются издревле охранителями церковных законов, защитниками святой веры, ревнителями о церковном благоустройстве и покровителями православных христиан даже в других государствах. Поэтому, как метко отметил профессор церковного права Суворов, “принадлежность русского императора к какому-нибудь вероисповеданию, кроме православного, есть такая же невозможность, как принадлежность, например, римского папы к евангелическому исповеданию”. К сожалению, эта чисто православная и русская мысль была выражена в акте Павла совершенно неправославно — “что государи российские суть глава Церкви”. При составлении Свода Законов было обращено внимание на неправильное выражение, допущенное Павлом, благодаря пользованию немецкими формулами и неумению излагать мысли языком церковным. Поэтому сочли необходимым указать, как следует понимать это выражение, в прямом его понимании являющееся чисто лютеранским. Однако гораздо правильнее было бы обратить внимание на основную мысль — что русский престол неразрывно связан с православием, и выразить это в строго православной терминологии, чего не мог сделать Павел I, получивший воспитание в веке полного пренебрежения церковностью, а также родным языком. Нужно, впрочем, помнить, что эта лютеранская формула не имела никакого влияния на самое решение вопроса о том, кто должен быть царем, и на то, что касалось приятия и осуществления верховной власти.

Кроме порядка, в коем члены царского дома наследуют престол, в акте Павла I были предусмотрены вопросы, касающиеся женитьбы членов Дома, а также опеки и правительства над малолетним государем. Женитьбы законными признавались лишь в случае дозволения царствующего государя; обычай испрашивать у государя согласие на заключение брака укоренился среди членов царской семьи с установления московского единодержавия. Если царствовало женское лицо, то муж не мог иметь прав и титула государя. Что же касается опеки и правительства до достижения малолетним государем 16 лет, года совершеннолетия, то распоряжение об этом должен был сделать последнецарствовавший государь. В случае отсутствия распоряжения к правительству и опеке призывались отец и мать малолетнего государя (отчим и мачеха исключались), а за их смертью — следующее ближайшее к престолу совершеннолетнее лицо царского дома. Это были принципы старого русского права. При правителе должен был состоять совет правительства из шести лиц; подобное учреждение было предусмотрено и завещанием Екатерины I, в виде существовавшего тогда Верховного Тайного совета; в древней же Руси при малолетстве государя тоже призывались к участию в правительстве особенно доверенные бояре, но это имело тогда более личный характер, и эти бояре не составляли организованного учреждения, что не могло уже иметь места после Петра I. Таким образом, акт о престолонаследии императора Павла как в целом, так и в частях был проникнут духом и идеями русского права. Несмотря на

тяжелое изложение и местами не совсем ясную формулировку, Павлу удалось издать закон, представляющий из себя систему, основанную на принципах, проводимых в жизнь московскими собирателями Руси и укоренившихся в душе русской. Поэтому он сразу нашел отклик в сердцах русского народа, и, начиная от членов царской семьи, все заботились о том, чтобы не был нарушен тот порядок, который один мог дать успокоение стране, измученной неопределенностью престолонаследия в XVIII веке. Сам Павел, хотя накладывал свою немилость на Александра, все же оставил в неприкосновенности его права на престол. После убийства Павла 1 старший сын его беспрепятственно вступил на трон. Ввиду неимения мужского потомства Александр 1 наследника не объявил при своей жизни, так как не терял надежды на рождение сына. Следующий за ним по старшинству его брат Константин, “могущий иметь право” на занятие престола в случае бездетной смерти Александра 1, женись на польке-католичке Грудзинской, добровольно отказался от этого права, сознавая, что этот брак не соответствует достоинству русского царя. Александр 1 подписал манифест о том, что достоинство наследника “передается тому, кому оно принадлежит после него (Константина)”, следующему их брату, Николаю Павловичу. Однако не объявив прежде наследником цесаревича Константина, царь Александр и теперь не обнародовал подписанного им манифеста. Ввиду этого по получении известия о смерти государя великий князь Николай Павлович, а за ним вся Россия принесли присягу на верность Константину Павловичу, “яко законному по праву первородства наследнику престола всероссийского”. “Дабы оградить коренной закон о порядке наследия престола от всякого прикосновения”, великий князь Николай Павлович не принял царской власти и по вскрытии запечатанного конверта, в котором хранились отречение цесаревича Константина и манифест Александра 1 о сем отречении, считая, что не имеет права признавать невозвратным отречение, “в свое время всенародно не объявленное и в закон не обращенное”. Лишь получив от цесаревича Константина письмо, в котором он, обращаясь к Николаю Павловичу как к государю, подтверждал уступку ему своего права на наследие престола, Николай Павлович издал манифест о своем восшествии на престол. Заминкой в наследовании престола решили воспользоваться некоторые революционные организации, мечтавшие ограничить в России царскую власть или даже совсем ее уничтожить. Не надеясь на сочувствие и поддержку народа, вожаки движения прибегли к обману и начали распускать слухи, что Константин не добровольно отрекся от престола. Часть войск, поверив этому, решила встать на защиту того, кто являлся законным государем согласно закону о престолонаследии, выразившему правовоззрения русского народа. Когда 14 декабря, в день принесения присяги царю Николаю, заговорщики, напитанные идеями Запада, готовились произвести государственный переворот, обманутые ими войска и народ кричали: “Да здравствует Константин, да здравствует Конституция!”, думая, что тем приветствуют законного государя и его супругу-царицу, имя которой мало кто знал. Никакие уговоры сначала не могли подействовать. Беспорядки готовы были начаться, предательски уже убит был генерал-губернатор граф Милорадович, и только самообладание и решимость императора Николая 1 не позволили повториться событиям 1682 года, когда, тоже

обманутые, стрельцы шли защищать законного наследника Иоанна Алексеевича. Окружив вовремя верными ему войсками обманутые части, император Николай вовремя усмирил мятеж. Но для полного рассеяния всех недоумений потребовалось, чтобы и во время самой коронации цесаревич Константин при всех братским поцелуем подтвердил добровольность своего отказа от принадлежавших ему прав. В манифесте о своем вступлении на престол император Николай I объявил наследником своего старшего сына Александра, и присяга на верность подданства была принесена им обоим.

В царствование государя Николая Павловича был издан в 1832 году Свод Законов Российской империи. Закон о престолонаследии вошел в первую часть первого тома свода, содержащего в себе Основные законы. Раздел второй этих законов составил «Учреждение об императорской фамилии», утвержденное императором Павлом I в день священного его коронования 5 апреля 1797 года, одновременно с законом о престолонаследии. «Учреждение об императорской фамилии» имеет весьма важное значение, так как определяет состав царствующего Дома, степени родства его членов, правила о вступлении в брак и обязанности членов Дома к своему главе, а также имущественное их положение. «Учреждение об императорской фамилии» после издания свода Законов было пересмотрено и с некоторыми изменениями издано вновь в 1886 году. В 1889 году в нем опять были сделаны изменения: до 1886 года при заключении брака принятие невестой православия требовалось, если вступает в брак лицо, могущее иметь право на наследование престола, в то время как остальные члены царского Дома могли вступать в брак и с лицами иноверными. При издании в 1886 году соответствующая статья была изложена так: «Брак Наследника престола и старшего в Его поколении мужского лица с особою другою верою совершается не иначе, как по восприятии ею православного исповедания». В 1889 году именным высочайшим указом было восстановлено действие старой редакции. В том же 1889 году было воспрещено членам царского дома вступать в неравнородные браки, каковое воспрещение Указом 1911 года было ограничено только великими князьями и княжнами. Хотя эти изменения касались не закона о престолонаследии, а «Учреждения об императорской фамилии», но они имели отношение и к вопросу о престолонаследии, поскольку определяли права потомства, происшедшего от тех или иных браков, на причисление к императорской фамилии и на получение соответствующих прав.

Лицо, не причисленное к царской семье, не обладает правами, принадлежащими его членам, в том числе и правом наследования престола, ибо императорский всероссийский престол есть наследственный в ныне благополучно царствующем императорском доме (статья 25, глава II, раздел 1), что вполне соответствует истории, ибо всегда царствующим признавался весь Дом (Рюриковичей, Годуновых и т. д. — см. выше), хотя полнота власти принадлежала исключительно его главе. Согласно 126-й статье «Учреждения об императорской фамилии», «все лица, происшедшие от императорской крови в законном, дозволенном царствующим императором браке, с лицом соответственного по происхождению достоинства, признаются членами императорского дома». Эти-то лица и призываются к наследованию российского престола в порядке, указанном

в законе о престолонаследии. Самый закон о престолонаследии оставался и остается до сих пор в основе своей тем самым законом, который утвердил и обнародовал император Павел I в день своего священного коронования. Он был изменен только: 1) по форме — при включении в состав Свода Законов разбит на статьи, причем выражения, относящиеся лично к Павлу и его сыновьям, вроде “мой, наш, Александр”, были заменены соответствующими нарицательными именами, могущими быть применимыми и к другим государям и их потомкам; 2) дополнен правилами о свободном отречении от престола лица, имеющего на него право и 3) о лишении права на престол лиц, происшедших от неравнородных браков. Последнее последовало в силу манифеста Александра I от 20 марта 1820 года о расторжении брака великого князя Константина Павловича с великою княгиней Анною Феодоровною, в коем царь “пред лицом царя царствующих обязует всех и каждого, до кого сие касаться может, сохранять сие дополнительное постановление в вечные времена свято и ненаруσιμο”. Согласно закону о престолонаследии, по смерти Николая I вступил на престол его старший сын Александр II, при коем наследником был объявлен сначала старший сын цесаревич Николай, а по кончине его — второй сын, Александр, вступивший на престол по смерти отца.

По вступлении на престол Александра III наследником сделался его старший сын Николай. Наследник императора Александра III, его старший сын император Николай II, вступив на престол, не имея сына, объявил наследником следующего за собою по старшинству своего брата Георгия, а по смерти его, до рождения сына, наследником был объявлен второй государев брат, Михаил. После рождения первенца государя — цесаревича Алексея он, согласно закону, сделался наследником престола, причем присяга на верность ему была принесена еще до его рождения, так как после объявления наследником великого князя Михаила присягали законному его императорского величества всероссийского престола наследнику. Таким образом, присяга была принесена на верность тому, кто явился бы законным наследником государя Николая Александровича и, в случае смерти цесаревича Алексея, при отсутствии других сыновей Николая II, таковым оказался бы опять Михаил Александрович со своим законным мужским потомством; в случае же, если бы великий князь Михаил Александрович к этому времени уже скончался, не оставив сына, происшедшего от законного и дозволенного царствующим императором брака с лицом соответственного по происхождению достоинства, то присяга, принесенная в 1899 году, после смерти великого князя Георгия, относилась к тому, кто являлся следующим ближайшим к престолу лицом по закону о престолонаследии. В силу этого немедленно после смерти государя сей член царского дома должен был манифестом возвестить о своем восшествии на престол, а все российские подданные подтвердить ему свою верность, принеся ему, государю, а также новому законному наследнику присягу на верность подданства. Однако преступный мятеж и предательство в 1917 году направили исторический ход событий совершенно другим путем. Государь император Николай Александрович был вынужден при жизни своей отречься от престола, но, не желая расстаться с сыном, помимо него передал наследство великому князю Михаилу Александровичу. Последний, видя себя окруженным главарями мятежа,

отказался воспринять власть до выяснения воли всего русского народа и призвал всех подчиниться до сего времени правительству, возникшему во время мятежа и захватившему к моменту отречения всю полноту власти. Вскоре после сего государь со своей семьей, великий князь Михаил Александрович и многие другие члены царского дома были арестованы и сосланы Временным правительством, которое через полгода, не испрашивая воли русского народа, провозгласило республику. Обманувшие царский Дом и русский народ люди не смогли удержать власть в своих руках, так ее взяло новое правительство, так же самочинно возникшее, но более организованное, чем первое. Русский народ подвергся неслыханному еще дотоле унижению и порабощению, и еще в сравнительно лучших условиях оказались те русские люди, которым удалось убежать из родной земли, залитой кровью. При таких обстоятельствах взоры большинства, естественно, обратились к основе могущества и благоденствия Руси — ее царской власти. Однако первое время не было достоверных известий о сосланных в глубь России членах царской семьи. Кроме того, не представлялось сначала вполне ясным толкование 135-й статьи “Учреждения об императорской фамилии”, и ввиду этого неизвестно было, кто же является законным главой Руси. В связи с вопросом о престолонаследии за границей возникла довольно обширная литература, причем некоторые при толковании Российского закона о престолонаследии стали пользоваться законами и правилами, существующими по этому вопросу в иностранных государствах. Последнее является совершенно недопустимым, ибо порядок наследования верховной власти в России выработался исторически, покоится на чисто русских основах и в целом является вполне русским по духу. Поэтому при толковании его должно пользоваться исключительно русскими источниками права. Если же отдельные статьи закона не соответствуют историческим правовоззрениям, то лишь самодержавный государь может изменить эти отдельные статьи, не нарушая, однако, коренного закона, согласно присяге, приносимой членами императорского дома, а также ввиду подтверждения оной государем при его священном короновании. Как на такое, противоречащее русской истории, правило указывают на дополнение, сделанное в 1830 году к закону о престолонаследии, об ограничениях при заключении неравно-родных браков, а также позднейшее запрещение великим князьям и княжнам вступать в таковые браки. Нельзя не согласиться, что это совершенно противоречит истории и старым русским обычаям. Вполне бы, с другой стороны, соответствовало духу русского права требование, чтобы все члены царского дома исповедовали православную веру, чтобы при вступлении в брак лица, не принявшие православия, к особам царствующего дома не причислялись и русскими титулами не обладали, а лица, от православия отпавшие, теряли и достоинство, и права члена царского дома. Однако все это может иметь законную силу лишь после соответствующего указа российского самодержца, коему одному принадлежит право устанавливать законы. Кроме того, нужно заметить, что ввиду того, что царский дом в свое время признал для себя обязательным закон о воспрещении лицам, происшедшим от неравнородных браков, наследовать престол и о невключении их в состав царской семьи, — закон, который Александр I всех заклил соблюдать, — едва ли было бы полезно, чтобы даже сам государь

отменил его без соответствующего разрешения от клятвы российским патриархом или законным Собором российских иерархов. До того же времени никакие изменения или произвольные толкования не могут иметь места, и исторический российский закон, получивший свое начало вместе с началом объединения Руси, действителен в том виде, в каком находился в день страшного преступления — лишения законного царя принадлежащей ему власти. Россия несет и будет нести тяжелые последствия этого преступления, пока власть в ней не перейдет опять в руки того, кто Самим Промыслом сделан ее объединяющим главою, опорю и хранителем ее благосостояния. А таковым является старший по первородству член царского рода. Пренебрежение тем законом, который выработан собирателями Руси и осенен благословениями ее святых заступников и святителей, было причиной многих печальных последствий, а в дальнейшем будет источником новых потрясений и волнений, ибо русский народ во все эпохи стремился к своему законному царю, только под властью которого Русь всегда обретала успокоение и благоденствие.

*Из постановления великого Московского Собора
в 1613 году:*

“...быти на Владимирском и Московском и на Новгородском государствах и на царствах Казанском и Астраханском и Сибирском, и на всех и преславных Российских государствах государем царем и великим князем, всея России Самодержцем, прежних великих благородных и благоверных и Богом венчанных Российских государей царей, от их царского благородного племени, блаженныя славныя памяти великого государя царя и великого князя Феодора Иоанновича всея России сородичу, Михаилу Феодоровичу Романову-Юрьеву, из иных государств и из московских родов на Московском государстве государем никак иному никому не быти”.

“...Заповедано, чтобы избранник Божий, царь Михаил Феодорович Романов, был родоначальником Правителей на Руси из рода в род с ответственностью в своих делах перед Единым Небесным Царем, а кто же пойдет против сего соборного постановления: сам ли царь, патриарх ли, вельможа ли и всяк человек, да проклянется таковой в сем веке и в будущем отлучен бо он будет от Святыя Троицы”.

Фонд Святителя Иоанна Шанхайского и Сан-Францисского
Чудотворца, Россия, Москва.
Тел/ факс: (095) 280-12-80

info@adamovka.ru